

РОМАН
ГЛУШКОВ

ЭКСПЕРТ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Меч в рукаве

Роман Глушков

Эксперт по уничтожению

«ЭКСМО»

2004

Глушков Р. А.

Эксперт по уничтожению / Р. А. Глушков — «Эксмо»,
2004 — (Меч в рукаве)

ISBN 5-699-06199-1

Проникновение на Землю космических агрессоров угрожает превратить планету в глобальную бойню. Тайная организация обладающих сверхъестественными способностями людей, которых называют рефлезианцами, организует сопротивление. В секретных подземных лабораториях Гренландии рефлезианцы ведут работы над созданием универсального воина. Русскому художнику Мефодию Ятаганову выпало стать центральной фигурой секретного проекта – экспертом по уничтожению инопланетных тварей.

ISBN 5-699-06199-1

© Глушков Р. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Роман Глушков

Эксперт по уничтожению

Пролог

*...Ибо что может сделать человек после царя сверх того, что уже
сделано?*

Екклесиаст, 2–12

Смотритель Гавриил давно упрашивал Главу Совета смотрителей Джейкоба перевести его служить в глухие северные сектора. Делал он это не потому, что любил суровый климат или общество кровожадных дикарей-землекопов, вооруженных примитивным оружием и приносящих в жертвы своим деревянным идолам юных девственниц. Причиной просьбы о переводе являлась банальная усталость. Нет, конечно, не физическая усталость – Гавриил даже не помнил, чтобы когда-нибудь испытывал ее. Просто у смотрителя, зачисленного в Совет лишь двадцать лет назад, этот сектор планеты ничего, кроме отвращения, не вызывал. Жара, постоянная нехватка воды, скрипящий на зубах песок, забивающий пылью глаза и горло сухой ветер...

Надоело!

Да что там жара, песок и ветер! Гавриил бывал в местах гораздо хуже и готов был смириться с этими неприятностями, если бы не одно «но» – местные землекопы! Мало того, что вверенный Гавриилу сектор был перенаселен, ко всему прочему обитатели его славились ужасной вспыльчивостью и непредсказуемостью поведения – теми свойствами, что в конечном итоге и вытянули из смотрителя все жизненные соки. Лишь поэтому ему надоело здесь все, даже местная одежда: накидка из грубой ткани, на которой приходилось спать а поутру обматывать вокруг себя; просторные рубахи, имеющие особенность накапливать за пазухой колючий песок... Но больше всего осточертели кожаные сандалии. Они рвались так часто, что, не обладая Гавриил отменной реакцией, давно бы расшиб себе колени, постоянно наступая на обрывки сандальных ремешков.

– А вы думаете, вонючие шкуры северян приятнее? – поинтересовался у Гавриила Джейкоб, когда выдающие себя за волхвов смотрители покинули окрестности Газы и вышли на широкую дорогу, что пересекала долину Сорек с запада на восток. Стоял день, и передвигаться приходилось на своих двоих: летящие в небе фигуры были бы отчетливо заметны, а создавать массовую панику не хотелось, хотя здесь, в Палестине, массовые истерии давно были в порядке вещей. Собственно говоря, смотрители и прибыли в долину Сорек из-за очередного большого переполоха...

– Конечно, не думаю, – ответил Гавриил. – Но мне кажется, еще два-три года в Палестине – и я попросту сойду с ума.

Джейкоб усмехнулся: сошедший с ума смотритель! Что, интересно, написали бы о нем местные землекопы в своих красочных хрониках, персонажем которых Гавриил уже успел стать? «...И разверзлись небеса, и узрел я архангела; тот строил мне смешные рожи, кривлялся и показывал язык...» Вышло бы довольно забавно, вот только сам «архангел», кажется, отнюдь не шутит, когда заводит речь о собственном сумасшествии.

– Не бойтесь, не сойдете, – сказал Джейкоб. – Всем тяжело после гибели Хозяина, но это нормально, это пройдет... Хотя я обещаю на досуге поразмыслить о вашей просьбе. Куратор Пятьдесят Пятого сектора смотритель Велес погиб в Антарктической битве, а заместитель Велеса Свенельд слишком молод, чтобы доверять ему бразды правления. Не желаете в Пятьдесят Пятый?

– Пятьдесят Пятый – где это?

– На северо-востоке. Почти на самом краю этого континента. Глухие леса, лютые морозы, косматые и жестокие землекопы...

– Согласен! – быстро отозвался Гавриил. – То, что надо! Если прикажете, я хоть завтра...

– Ладно-ладно, не торопитесь, – произнес Джейкоб. – Давайте сначала завершим наш Проект, а там уже поглядим.

Гавриил тяжело вздохнул: конца Проекту видно не было, и потому наслаждаться палестинским гостеприимством ему предстояло еще очень и очень долго...

Дом, в котором последнее время проживал нужный зрителям человек, стоял недалеко от дороги. Земля вокруг него была истоптана, чахлый кустарник выломан, а соседние дома пребывали в запустении, покинутые хозяевами по редкостному единодушию. Невдалеке от дома отиралась подозрительная кучка бродяг, из-под пропыленных накидок которых торчали дорогие сабельные ножны, говорящие о том, что бродяги лишь хотят казаться таковыми.

Стараясь сохранять присущую волхвам степенность, Джейкоб и Гавриил проследовали мимо бродяг, даже не взглянув в их сторону. Покосившись на странников с длинными посохами, бродяги оживленно о чем-то зашептались, однако путь волхвам не преградили. Хотя, как заметили зрители, поначалу незнакомцы действительно собирались задержать их и расспросить о том, для чего они пришли сюда.

Увидев, что волхвы направляются к дому, бродяги злобно загалдели, но было поздно – странники уже подошли к воротам, к которым маскирующиеся под нищих филистимляне приближаться опасались. Причиной тому могло быть только одно: хозяин этих стен не жаловал непрошенных гостей и, судя по валяющимся вокруг булыжникам и обломкам стрел, а также побуревшим пятнам крови на земле, вполне мог дать отпор.

Доказывала это и дверь, перед которой остановились зрители, – толщиной в целое бревно, обитая кованым железом. Царапины и вмятины на железных пластинах были свежими – очевидно, скучать тому, кто скрывался за дверью, последние дни не приходилось.

Зрители знали, что виновник царившего вокруг безобразия дома, поскольку ощутить его нестабильное эмоциональное состояние им труда не составляло. И не было бы в нестабильном состоянии этого человека ничего особенного, если бы не одна деталь – он не являлся землекопом, для которых резкие перемены настроения считались обыденными, а был довольно опытным исполнителем, причем исполнителем прирожденным. Фильтры подавления эмоций, имевшиеся в его нервной системе, гасили любые эмоциональные всплески – от безудержного гнева до панического страха. Поэтому естественным состоянием исполнителя во все времена считалась абсолютная невозмутимость. В данном случае приходилось констатировать совершенно иное – он просто кипел от ярости.

Исполнитель тоже почувствовал подошедших к порогу гостей; опознавать зрителей по телепатическим сигналам он не разучился. Так что стучать не пришлось – Гавриилу и Джейкобу отворили, едва только они остановились у запертой двери.

Миловидная женщина-землекопка впустила зрителей внутрь, после чего спешно закрыла за ними дверь на все засовы.

– Господин ждет вас, – проговорила она, не поднимая глаз. Было заметно, что женщина подавлена. Еще бы – жить в постоянном страхе, боясь даже нос высунуть за порог...

Исполнитель ожидал гостей в главной комнате. Он сидел за столом, уставленным замысловатой снедью – ржаной хлеб, козий сыр, рыба, молоко. Не очень-то разгуляешься на осадном положении.

При появлении зрителей исполнитель хотел вскочить с места, но Джейкоб жестом остановил его.

– Сиди, Самсон... Давай-ка посмотрим данные по Проекту за текущий период.

Самсон откинулся к стене и расслабленно опустил плечи. Джейкоб наклонился к нему, оперся руками о столешницу и замер, проводя телепатическое исследование воспоминаний Самсона.

Гавриил отметил, как изменился Самсон за годы участия в Проекте. Один из лучших исполнителей, ветеран Антарктической битвы, в Проект он вызвался добровольцем. Его глаза излучали тогда столько энтузиазма, что хватило бы на целый взвод исполнителей...

Теперь в глазах Самсона поселились усталость и тоска, по сравнению с которыми усталость Гавриила не заслуживала внимания. Самсон исхудал, хотя ел много, на лице его виднелись отеки, а повязку с головы он не снимал даже дома. Под повязкой скрывались множество опоясывающих голову отверстий-гнезд, проделанных в черепной коробке. Через гнезда посредством капельницы в мозг Самсона во время сна поступал специальный раствор, который поддерживал работающий на повышенной мощности мозг и не давал ему перегореть. Процедура неприятная, но на данной стадии Проекта жизненно необходимая, поэтому исполнитель давно находился в сильной психологической и физиологической зависимости от внутрочерепных инъекций.

Установка стояла в спальне у изголовья кровати: одеваемый на голову бандаж со множеством трубочек и подвешенная на стену емкость с раствором. Когда подопытный проходил процедуру, казалось, что он половину спальни опутывает своими длинными волосами, хотя на самом деле голова Самсона была обрита наголо. У посторонних установка могла вызвать массу вопросов, но исполнитель четко следовал инструкциям и никому ее не показывал.

Никому, кроме собственной жены...

Перспективный и вроде бы изначально предсказуемый Проект по усовершенствованию качеств человеческого варианта три и созданию из добровольца сверхисполнителя теперь развивался не так, как хотелось. Столь удачно зарекомендовавшая себя перестройка организма землекопа, человеческого варианта два, в вариант три – Просвещение – окрылила Совет смотрителей. Поэтому Глава Совета Джейкоб не задумываясь согласился на следующий шаг – попытаться проделать нечто подобное с исполнителем. Малоутешительный исход Антарктической битвы с небожителями заставлял хвататься за любую идею, которая могла бы способствовать восстановлению потрепанных исполнительских сил – костяка обороны Человечества от инопланетных врагов.

Но проблема с исполнителями оказалась гораздо серьезнее...

Сегодня Проект пребывал в плачевном состоянии. Было очевидно, что результатов, которые ожидал Совет, получить не удалось. Количество непредвиденных ошибок перекрыло разумные нормы. Однако кое-какой прогресс имелся, и потому Проект не прекратили, а пустили на самотек.

Джейкоб ознакомился с воспоминаниями подопытного и предоставил такую же возможность Гавриилу. Гавриил знал, что увидит в памяти Самсона, поэтому исследование не заняло у него много времени.

– Исполнитель Самсон, чем ты объясняешь вспышки своей агрессии? – спросил Джейкоб, когда Гавриил отошел от подопытного и дал понять, что исследование памяти закончил.

– Эти люди преследуют меня за прошлые обиды, – невозмутимо ответил Самсон. – Я защищаюсь.

– Но ты грубо нарушил Последний Приказ Хозяина и применил по отношению к землекопу слэйеры! – голос Джейкоба стал строже. – Ты – первый из исполнителей, кто нарушает этот пункт Приказа, и я даже не знаю, какому наказанию тебя подвергнуть!

– Я применил слэйеры потому, что мой умирительный сигнал давно не действует. – В поисках поддержки Самсон посмотрел на Гавриила.

Гавриил молча кивнул. Исполнитель говорил правду: основное средство для устранения конфликтов между человеческими вариантами два и три – умирительный сигнал – у Самсона

вышло из строя с самого начала Проекта. Причиной этой неполадки были все те же непредвиденные зрителями факторы.

– Филистимляне устроили мне настоящую травлю, – продолжал Самсон. – Их было... Да вы сами только что видели, сколько их было!

Действительно, память исполнителя не лгала: при последних его столкновениях с заклятыми врагами те предпочитали ходить в атаку целым войском. Применение такого жестокого оружия, как люциферрумовые слэйеры, это, конечно, не оправдывало, но, если смотреть на вещи здраво, в противном случае Самсон был бы давно мертв.

– Я знаю, что не прав, – закончил Самсон. – И знаю, что понесу заслуженное наказание... Я убил столько землекопов, сколько, наверное, не убивал еще ни один исполнитель... Но в тот момент я заботился прежде всего о судьбе Проекта, важность которого невозможно переоценить! Я старался обезопасить Проект во что бы то ни стало!

Джейкоб и Гавриил переглянулись и, не желая, чтобы их беседа дошла до ушей Самсона, перешли на телепатическое общение.

– Исполнитель прав, – попытокнул Джейкоб. – И эта недавняя резня – наша ошибка, а не его. Очередная катастрофическая ошибка. Вы знаете, я начинаю жалеть, что дал добро на этот Проект.

– Распорядитесь его свернуть? – поинтересовался Гавриил.

– А что вы сами думаете по этому поводу?

Гавриил замешкался: высказывать личное мнение столь молодому члену Совета, как он, следовало с особой осторожностью.

– Согласитесь, зритель Джейкоб, – наконец ответил Гавриил, – если закрыть глаза на недостатки, положительные результаты тоже становятся заметны. Наш исполнитель одолел войско вооруженного до зубов противника; а то, что филистимляне – это достойный противник, нельзя не признать. Мало того, сегодня Самсон держит их в страхе. Один исполнитель держит в страхе целое сообщество далеко не трусливых землекопов! Вы знаете аналоги этому? Я не знаю.

– Действительно, аналогов этому нет, – подтвердил Джейкоб. – Рост военного мастерства подопытного и впрямь восхищает. Но каждый раз он оказывается на грани истощения и уже не может жить без своего питательного раствора. Будущее Самсона как полноценного человека и исполнителя весьма туманно... Но вы так и не высказали ваше мнение о продолжении Проекта.

– Поскольку Проект необратим, он должен быть доведен до логического финала. Мы должны извлечь для себя уроки на будущее. Но последнее слово надо оставить за Самсоном. Как он скажет, так пусть и будет.

– Что ж, справедливо...

Самсон не стал колебаться.

– Я готов продолжать! – с готовностью выпалил он, и в его усталых глазах вновь вспыхнули давно погасшие искры, вот только при виде их заколебался уже Гавриил: следует ли радоваться энтузиазму Самсона или, наоборот, этого явно нездорового энтузиазма стоит опасаться? За сумбурностью мыслей исполнителя невозможно было разобрать, говорит ли сейчас со зрителями его здравый смысл или это просто нежелание расставаться с поймавшей его в зависимость «капельницей для мозгов». Мрачные предчувствия вклинились в раздумья Гавриила, но решение было принято: раз доброволец готов продолжать, значит, Проект продолжается.

– И все-таки, – добавил перед уходом Джейкоб, – я незамедлительно пришлю сюда подразделение исполнителей для твоего контроля и охраны. – И, жестом остановив собравшегося было протестовать Самсона, приказал: – В схватки с землекопами отныне не вступать! И будь готов в скором времени сменить место жительства. Хотя даже не знаю, найдется ли в этом мире для тебя спокойное место...

Далила – любимая жена Самсона и его бессменная сиделка – долго смотрела вслед удаляющимся волхвам сквозь щели в приколоченных поперх окна досках. План, что давно вызревал в ее голове, был готов к осуществлению.

Волхвы приходили и уходили, а мужу после их визитов становилось все хуже и хуже. Далила понятия не имела, о чем толковали волхвы с Самсоном сегодня, но сейчас муж метался по комнате и распинывал в ярости мебель.

– Под конвой?! – негодовал Самсон. – Меня – под конвой?! Меня – в ссылку?! Как преступника! За что? За то, что я погубил ради них свое здоровье?!

Далила никогда не вмешивалась и не успокаивала мужа, когда он был в таком состоянии. Она знала, что очень скоро он утомится и снова уйдет к своему многоногому пауку, после чего до утра будет спать словно младенец.

До утра...

Далила уже забыла, когда они в последний раз встречали рассвет в объятиях друг друга. Будь проклята эта жизнь, в которой не осталось ничего человеческого: ни спокойствия, ни нормальных отношений, ни любви... Только страх, ничего, кроме страха. Страх, убивающий ее счастье и в конечном итоге убивающий ее саму...

Страх как за себя, так и за любимого вызывали три причины: жаждущие мести за прошлые обиды соотечественники-филистимляне, регулярно навещающие таинственные жуткие волхвы и магическое создание, с которым муж проводил времени куда больше, чем с женой...

Далила видела, что создание это живое, так как внутри его постоянно что-то шевелилось и бурлило. Удерживающие голову Самсона щупальца двигались, а сам он разговаривал во сне на непонятном языке; наверняка молил вцепившегося в него монстра оставить его в покое.

Не в силах хрупкой женщине повлиять на происходящее и уничтожить причины собственных страхов – так думала она до недавнего времени. Сегодня она считала иначе. Да, с филистимлянами и волхвами ей не совладать, но с монстром... Ведь не лев же он, в конце концов, и не степной волк, а всего лишь большой многоногий паук. Обрежь пауку ноги, и скоро он издохнет, каким бы огромным ни был. Убив паука, Далила избавит мужа хотя бы от одного врага, а в том, что паук – враг, она не сомневалась, поскольку Самсон неоднократно признавался ей, что обречен пожизненно платить дань этому ненасытному чудовищу.

Но разве не текла в жилах Далилы воинственная кровь филистимлян, закипающая при одной мысли о том, что кто-то встал поперек их с Самсоном счастья?..

Через некоторое время муж утомился и отправился в спальню. В их спальню, где теперь царствовала не любовь, а мерзкая многоногая тварь. По раздавшемуся оттуда вскоре сонному бормотанию Далила поняла, что паук снова принялся за свое – медленно высасывает из мужа жизненные силы.

Женщина подобрала упавший со стола нож, коснулась пальцем лезвия и, убедившись, что оно достаточно острое, прокралась на цыпочках в спальню. Она опасалась, как бы занятый делом паук случайно не учуял нависшую над ним смертельную угрозу...

Выдающие себя за бродяг филистимляне проснулись и повскакивали на ноги, разбуженные диким криком, доносившимся из дома, в который им до сих пор не удалось прорваться. Так мог кричать испытывающий страшную боль человек. Животный страх обуял, казалось бы, напроочь лишенных страха воинов, и они, не сговариваясь, обнажили сокрытые под накидками сабли.

– Глаза! Мои глаза! – слышались из дома полные смертельного отчаяния вопли. – Я ничего не вижу! Я ослеп! Далила, я ослеп! Далила, помоги мне!..

Несокрушимая дверь распахнулась, и на улицу выбежала перепуганная женщина. Она со слезами и причитаниями пронеслась мимо филистимлян, и не успели те опомниться, как она

уже скрылась в темноте. Что-то похожее на клубок тонких змей выпало из рук женщины, да так и осталось лежать перед дверью.

– Далила, где ты?! – разносился по окрестностям надрывный крик Самсона. – Далила-а-а!!!

Филистимляне переглянулись и, держа сабли на изготовку, стали подкрадываться к распахнутой двери. Старший брезгливо оттолкнул носком сапога оброненный женщиной странный клубок, из которого тут же потекла на песок черная жидкость. Не останавливаясь, филистимляне один за другим переступили порог и направились внутрь дома. Двое разматывали на ходу крепкую рыболовную сеть. Возможно, сегодня им повезет больше, чем неудачливым сородичам, павшим недавно от рук Непобедимого...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТВОРЧЕСКИЙ РОСТ

Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе.
Козьма Прутков

Последние сто метров дистанции Мефодий Ятаганов преодолел тремя длинными скачками, после чего обессиленно плюхнулся в глубокий сугроб. Сразу же от его обнаженного пояса, раскрасневшегося тела повалил пар. Исполнитель подумал, что если бы он пролежал вот так полчаса, то сумел бы, наверное, расплавить толщу находившегося под ним ледника до самой земли.

Хотелось надеяться, что пробежка эта была на сегодня последней и впереди его ожидает горячая баня и плотный ужин. Впрочем, мечтать он мог о чем угодно – здесь, в гринландской штаб-квартире Совета зрителей, до его мечтаний не было никому никакого дела.

Над распластавшимся в снегу Мефодием вырос одетый в эскимосскую парку зритель Бегущий Бизон, неотступно следовавший за исполнителем по воздуху во время его марафонского забега. Бегущий Бизон извлек из кармана секундомер, поглядел на циферблат, поморщился и произнес:

– Плохо! Восемьдесят километров за час и пятнадцать с половиной минут – совершенно никуда не годится. Я даже нос себе не отморозил – настолько медленно ты двигался!

– Да будет вам придирааться из-за каких-то пяти минут! – устало огрызнулся Мефодий. – Ветер встречный, снег глубокий, плюс в трещины два раза проваливался. Завтра распогодится, и рекорд свой я перекрою с солидным запасом!..

– Никаких «завтра»! – отрезал Бегущий Бизон. – Пока некрепишь достигнутое, об отдыхе и не думай! Мы из тебя не олимпийца готовим, чтобы на погоду пенять. Ты сам изъявил желание участвовать в Проекте, потому будь добр – работай на совесть! Заканчивай разлежиться и бегом на новый круг.

– Как скажете, – пробурчал Мефодий, выкапываясь из снега и вновь выходя на дистанцию. – Только если я по вашей милости через сорок километров грохнусь в обморок, сами меня на горбу обратно потащите!

– И помни, что работать вполсилы не в твоих интересах! – назидательно бросил ему вслед Бегущий Бизон...

Просвещенный исполнитель категории проверенный (досрочно присвоенной ему Советом за особые заслуги), Мефодий Ятаганов глядел на Бегущего Бизона и удивлялся, почему раньше этот индеец-шайен вызывал у него симпатию. Член Совета и руководитель Проекта «Самсон-2», Бегущий Бизон за последнее время показал себя таким тираном, что еще немного, и Мефодий стал бы понимать тех американских политиков, которые когда-то придумали загонять индейцев в резервации.

Взгляды Мефодия на «индейский вопрос» были сформированы еще в школе под влиянием фильмов киностудии «ДЕФА» и немеркнувшего образа куперовского Чингачгука, увековеченного на экране Гойко Митичем. Бегущий Бизон на корню разрушал подобные стереотипы, демонстрируя черты индейского характера, о которых не догадывались ни сценаристы «ДЕФА», ни легендарный Гойко Митич, ни, вероятно, сам Фенимор Купер.

Бегущий Бизон всегда и во всем стремился к совершенству, чего также требовал от подчиненных. Педантичность шайена проявлялась в каждой мелочи, от соблюдения дисциплины до манипуляций с мозгом подопытного исполнителя, который с момента старта Проекта стал

центром зрительского внимания. Не было случая, чтобы Бегущий Бизон удовлетворился результатом своей деятельности с первого раза, любая проделанная им работа пересматривалась и переделывалась неоднократно.

Однако курирующий Проект нынешний Глава Совета зритель Гавриил никогда не ругал Бегущего Бизона за проволочки, поскольку был с ним единомышлен – на кон поставлено слишком много, и права на ошибку никто из них, в том числе и Мефодий, не имел. В качестве примера былой недалёковидности над Проектом «Самсон-2» маячила тень первого Проекта, завершившегося нелепой гибелью подопытного исполнителя и провалом всего мероприятия.

Бегущий Бизон поклялся, что на этот раз неудачи не будет, а слово, данное индейцем вождю, сиречь Главе Совета, стоило многого. Правда, оплачивать его стоимость в основном приходилось Мефодию, причем оплачивать по полному списку: канистрами пролитого пота, незаживающими ушибами, растяжениями и вывихами. Бывало, что и кровью. Но самое неприятное – постоянно раздирающей мозг головной болью, настолько жуткой, что, когда она наконец отступала, хотелось плакать от облегчения.

Причиной головной боли были кардинальные преобразования, которые вносили в мозг исполнителя Бегущий Бизон и технический советник Проекта зритель Сатана.

Мефодия немного утешали заверения в том, что вносимые изменения вполне обратимы. Также утешало непосредственное участие в Проекте зрителя Сатаны, что на первый взгляд выглядело парадоксально. Однако, несмотря на жгучую ненависть Сатаны как к землекопам, так и к просвещенным исполнителям (к последним – в особенности), подопытному становилось спокойнее при мысли о том, что вся зрительская самодеятельность контролируется лучшим – после покойного Хозяина, разумеется, – ученым на планете.

– Не бойся. Если увижу, что уже ничего невозможно исправить, то убью тебя быстро и безболезненно, – обнадежил исполнителя Сатана перед первым экспериментом.

Странно, но проверенного это и впрямь утешило.

Вот под таким строгим контролем стартовал этот зловещий и одновременно притягательный для Мефодия Проект, о конечных результатах которого не ведал ни один из его участников...

– В чем причины победы воина над врагом? – спросил Мефодия Бегущий Бизон после одного из первых – самых болезненных – ковыряний в его мозгу.

– Причины... победы? – неуверенно переспросил подопытный, в голове которого гудело так, словно там установили высоковольтный трансформатор. Боль пульсировала не только внутри черепной коробки, но и отдавала во все части тела вплоть до кончиков пальцев. Больше всего на свете Мефодию хотелось сейчас просто спокойно полежать, а этот чертов предводитель команчей мало того что запланировал на сегодня очередную многокилометровую пробежку, так еще и в минуты редкого отдыха пытал Мефодия военно-философскими вопросами.

– Ну... видимо, опыт, решительность, хитрость, сила, скорость... – ответил Мефодий, немного подумав. – Совокупность всех этих составляющих. Спросите лучше что-нибудь посложнее.

– Согласен, все перечисленное тобой необходимо, однако я хочу, чтобы ты проанализировал мой вопрос более тщательно, – сказал Бегущий Бизон. – Не мысли общеизвестными истинами, подойди к их сути, к тому, на чем они базируются.

Попытки Мефодия запустить любой мысленный процесс, даже самый примитивный, наподобие «сколько будет дважды два?», стопорились сильными головными болями, но проверенный давно усвоил, что отделаться от зрителя-шайена можно, только четко выполнив его распоряжение. Наморщив лоб, исполнитель постарался хотя бы приблизительно догадаться, чего от него хотят.

– Вы, наверное, требуете от меня какой-то математической формулы идеальной победы? – предположил он. – Баланс сил, алгоритм действий или рациональное оперирование вторичными факторами...

– Вовсе нет, – возразил Бегущий Бизон и, видимо не желая тратить время, стал отвечать на поставленный вопрос самостоятельно: – Видишь ли, универсальной формулы победы не существует. Путь к победе всегда сугубо индивидуален и редко повторяется, даже если ты пытаешься копировать один в один какую-либо проверенную стратегию. Но и в таком, казалось бы, непредсказуемом вопросе, как победа над врагом, есть свои аксиомы. Матерый полководец не будет полагаться на случай, а постарается просчитать все до мелочей – это аксиома. Загнанный в угол слабый противник, если, конечно, он не намерен сдаваться, будет уповать на натиск и ярость в надежде подавить врага психологически – тоже аксиома. Но, пожалуй, главная аксиома: ты сможешь победить лишь тогда, когда будешь полностью уверен в своей победе.

– Не уверен – не обгоняй, – сказал Мефодий.

– Совершенно верно! – кивнул Бегущий Бизон. – А почему? Поясни!

До исполнителя дошло наконец, зачем смотритель завел этот разговор. Возможно, сейчас подопытному наконец объяснят, что именно его ожидает. Со дня старта Проекта прошла неделя, но планы Бегущего Бизона и Сатаны так и оставались для Мефодия за семью замками. Выматывающие процедуры начались, а каково было их назначение – неизвестно...

– Если ты не уверен, то испытываешь колебания, – пояснил Мефодий. – Внимание твое рассредоточивается, в движениях нет должной силы, мысли отвлечены на посторонние темы. Какой уж тут обгон... то есть, виноват, – победа...

– В чем же может быть причина неуверенности? – упорно продолжал пытаться подопытного смотритель.

– Ясное дело в чем – в недостатке силы... или скорости. В общем, в отсутствии чего-то вполне естественного.

Было заметно, что Бегущий Бизон готов похвалить Мефодия за ответ. Однако смотритель ограничился лишь лаконичным кивком – он только что вошел в роль сурового наставника и добреть, как видно, не собирался еще очень долго.

– В принципе все это вещи элементарные, – проговорил Бегущий Бизон. – Собственная сила порождает в человеке уверенность, которая, в свою очередь, перетекает в спокойствие, а в спокойном состоянии рассудка ты способен трезво разбираться в ситуациях, даже в критических. Ты четко знаешь, что можешь расправиться с противником, знаешь, что именно способен с ним сделать или, наоборот, от чего в данный момент следует воздержаться. Когда мыслишь спокойно и не паникуешь – ты практически победил либо просто отложил свою победу до более выгодного стечения обстоятельств. Любой из исполнителей надежно контролирует себя в первую очередь благодаря своим исключительным физическим возможностям, но совершенством самоконтроля владеют только мастера.

– Рановато вы о мастерских премудростях со мной говорите, – заметил Мефодий. – Я только-только избавился от привычки представляться новобранцем... Хотя да, чуть не забыл! Вы же из меня хотите именно мастера вылепить ускоренными темпами.

– Не просто мастера! – поправил его Бегущий Бизон. – Просто мастер – это задача-минимум. Буду с тобой честным: я собираюсь идти до конца, до предела твоей прочности. Где он – я пока не знаю. Но я во что бы то ни стало намерен обнаружить пик твоих возможностей, за которым только падение вниз и неминуемая гибель.

– Надеюсь, о падении вниз и гибели вы не серьезно?

– Индейцы не имеют привычки шутить о смерти. Мы не думаем о смерти, но, когда она приходит, всегда готовы ее встретить. Я хочу, чтобы ты тоже усвоил эту истину – она будет одним из слагаемых твоей силы. Но тебя готовят к выживанию, а не к героической гибели. К выживанию там, где вокруг будет только смерть. Поэтому я заговорил с тобой о принципах

победы. Именно на них мы и будем строить твое дальнейшее развитие. Ты станешь победителем! Сначала ты победишь себя, потом поможешь нам победить нашего общего врага. А уж средствами для этого мы со зрителем Сатаной тебя снабдим.

– Наверное, я лезу не в свое дело, – неуверенно произнес Мефодий, – но мне кажется, что все ограничительные мозговые кодировки у меня полностью сняты при Просвещении, и, каким образом можно добиться дальнейшего прогресса, лично я не понимаю. Пока я чувствую лишь, что у меня жутко болит голова.

– Есть вещи, о которых я поведаю тебе немного позже, – уклонился от разъяснений шайен. – Скажу только, что сегодня я и зритель Сатана проводим с твоим мозгом подготовительную работу, без которой все дальнейшее будет попросту невозможно. Если подготовка пройдет как надо, я обязательно посвящу тебя в наши планы, если же нет... Останешься в блаженном неведении и вернешься в строй тем, кем ты есть теперь – проверенным исполнителем.

– Меня случаем не ожидает хирургическая операция? – с опаской поинтересовался Мефодий.

– Хм-м-м... – задумался индеец. – Я бы не назвал это полноценным хирургическим вмешательством... – И вдруг, словно не найдя оправданий, снова превратился из мудрого вождя в кровожадного охотника за скальпами: – Ты мне зубы не заговаривай! Отдохнул? Тогда вперед! И чтобы сегодня никаких жалоб ни на глубокий снег, ни на встречный ветер!..

Мастера Мигеля участие в Проекте нисколько не радовало. И хоть должность у него называлась весьма громко – инструктор по боевому тренингу, – Мигель подозревал, для чего Глава Совета назначил его в Проект: для снятия параметров работы организма мастера. Проще говоря, для эталона.

Другой на месте Мигеля был бы без ума от радости: служба при штабе, непыльная, не особенно сложная и не очень ответственная!.. Однако долгое пребывание в четырех стенах угнетало мастера, за пятьсот с лишним лет службы больше привыкшего к работе в поле, на свежем воздухе, нежели глубоко под землей.

Второй причиной вовлечения Мигеля в это закрытое мероприятие было пережитое им тяжелое ранение, после которого мастеру требовался отдых. И пусть факт ранения оставался фактом, но, глядя сегодня на энергичного инструктора, Мефодий никогда бы не подумал, что Мигель получил не так давно шесть пуль и был на волосок от смерти.

Неизвестно, выполнял ли Мигель распоряжения Бегущего Бизона или всему виной были его личные обиды на подопытного, но инструктор подошел к своему новому делу с таким пристрастием, с каким ни разу не стажировал новобранца за все время их совместной службы. Особенно ярко проявлялся его энтузиазм в рукопашных поединках и физических тестах, регулярно устраиваемых для Мефодия в спортивном зале комендантского гарнизона.

Зритель Бегущий Бизон тоже не пропускал занятий подопытного в спортивном зале и всю муштровал его как самостоятельно, так и через инструктора. Видевшие эти тренировки исполнители-«коменданты» сочувственно качали головами и недоумевали, в чем же так провинился боец, если наказания физподготовкой для него проводят порой по несколько дней без остановки?

Помимо спортивного зала размером со стадион, в огромных катакомбах штаб-квартиры Совета располагалось несколько разнообразных полигонов, предназначение которых заинтриговало Мефодия. Тайна была раскрыта во время последующих тренировок, и разгадка не принесла Мефодию радости.

Первым делом подопытный запутал в искусственном многокилометровом лабиринте, куда его направили якобы для планового тестирования. Ни тонкий исполнительский слух, ни обостренная интуиция не помогали – перепутанные ходы лабиринта не поддавались никакому логическому анализу. Внутренним чутьем Мефодий безошибочно определял стороны света,

но любой из выбранных путей заканчивался глухим тупиком. Самый разумный выход из положения – прорубиться сквозь стены слэйерами – был неосуществим, поскольку оружие с подопытного Мигель снял перед началом теста.

Обиднее всего было признать свое поражение и закричать «ау», а потому Мефодий, поскрипев зубами, подобное разрешение ситуации отверг.

– Не дождетесь! – пробормотал он, представляя, как где-то неподалеку – может быть, вообще в метре за стеной – злорадствуют сейчас его мучители, после чего пнул в сердцах гранитную глыбу и зашагал в том направлении, откуда он, судя по всему, только что пришел.

Наставники не поленились продержатъ подопытного в лабиринте целую неделю. За это время в памяти Мефодия совершенно не отложился план коридоров, по которым он упорно блуждал. Исполнитель накрепко вбивал себе в голову порядок пройденных поворотов и развилочек, но, даже нарочно возвращаясь по недавно пройденному пути, он, хоть убей, не узнавал мест, по которым шагал пять-десять минут назад.

Последние двое суток Мефодий тупо брел вперед без какой-либо системы и пребывая в полной уверенности, что о нем, как и тогда в Староболотинске после незавершенной деблокировки мозга, попросту забыли. Система ориентирования исполнителя в пространстве лишь мерно отсчитывала его гулкие шаги, поскольку ни на что другое в этом лабиринте больше не годилась. Возможно, проверенный ходил по кругу, а возможно, уже доплелся под дном Атлантического океана до Америки либо Европы...

Лязгнула задвижка, а потом откуда-то из-под сводчатого потолка спрыгнул Мигель и приземлился прямо перед Мефодием. Вслед за ним степенно спланировал Бегущий Бизон.

Мефодий лениво подумал: вот и первая галлюцинация, – после чего хотел равнодушно пройти мимо, но галлюцинация вдруг заговорила, чем и привлекла заикнувшее на подсчете шагов внимание исполнителя:

– Мои поздравления! Ты неплохо справился с этим тестом!

Мефодий долго пялился в упор на смотрителя-шайена, после чего медленно проговорил:

– Что... вы... сказали?

– Смотритель Бегущий Бизон сказал, что ты, господин Ятаганов, и вправду на что-то способен, – произнес Мигель.

– А-а-а, вот оно что... – уныло пробурчал проверенный. – Тогда огромное вам спасибо, что не дали умереть здесь от старости.

Наставники переглянулись и сдержанно улыбнулись.

– Нет, это вовсе не шутка, – заговорил Бегущий Бизон. – Этот лабиринт был изобретен Хозяином для проверки первых исполнителей, и нет на Земле существа, которое нашло бы из него выход. Схема лабиринта постоянно меняется, причем происходит это в непредсказуемом порядке. Вот почему ты грешил на свои органы чувств.

– И в чем же тогда мои достижения? – устало поинтересовался Мефодий.

– А ты сам не чувствуешь?

Проверенный задумался. Все, что он чувствовал, это острое желание поспать и поесть. Поспать желательно подольше, а поесть побольше...

– Нет!

– Хорошо, поясню, – терпеливо произнес Бегущий Бизон. – Лабиринт называется «Семь дней Истины» и входит в обязательный комплект тестов при переводе проверенных в мастера. Новобранцев сюда не допускают – они сходят с ума уже через двое суток. Если же проверенный еще не готов, он начинает нервничать, искать аварийные выходы, считая, что случилась неисправность, пытаться вызывать подмогу... Так подсказывает проверенному его логика, и в этом нет ничего ненормального – просто он еще не созрел до нужной кондиции...

– И только мастер со вселенским спокойствием бредет вперед и упорно ищет выход даже вопреки здравому смыслу! – закончил за зрителя Мефодий, что было не совсем тактично, однако после пережитой нервозности вполне простительно.

– Да, мастер. Точнее, проверенный, полностью готовый принять мастерство... Кстати, можешь поговорить на эту тему с исполнителем Мигелем – он здесь уже побывал.

– Было дело, – подтвердил Мигель. – Но я сразу смекнул, что это какая-то шутка. Правда, один черт, весь издергался и долго потом костерил Совет: тоже мне, шутники выискались!

– Ну и, надеюсь, исполнитель Мефодий, тебе не нужно напоминать о неразглашении секретности этого теста, – добавил шайен. – Ты понимаешь, о чем я?.. Ведь подруге твоей тоже когда-нибудь придется через него проходить...

Поэтому Кимберли о лабиринте «Семь дней Истины» не узнала.

Она вообще никогда не допытывалась у Мефодия, какие по отношению к нему применялись методики и процедуры. Единственное, что ее интересовало, так это физическое и душевное состояние друга. Кимберли, призванной в Проект Главой Совета, досталась самая незаметная, но немаловажная часть работы: присматривать за Мефодием во время отдыха и не давать ему падать духом. Ким была единственной, кто не называл его подопытным и кого он не возненавидел после первых дней погружения в пучину Проекта.

Мефодий верил, что их взаимные чувства прошли проверку временем. Внимательная и, когда требовалось, сдержанная Кимберли терпеливо сносила взрывоопасную нервозность близкого друга, ставшего таковым после того, как за него взялись самые крутые мозгоправы Земли. Мефодию было очень жаль, что Ким приходится терпеть его общество – невыносимого, резкого и грубого типа, но, с другой стороны, если бы не она, проверенный наверняка давно покинул бы Проект. И редкие минуты отдыха, что выпадали на его долю, с Кимберли превращались в истинное блаженство.

– Спасибо, хоть голову не стали сверлить! – ворчал Мефодий, вернувшись к Кимберли после того, как по прихоти Бегущего Бизона проделал свою ежедневную дистанцию целых три раза подряд. – Бедняга Самсон, как же я его понимаю... Ты представляешь, однажды на тестах его заставили поймать триста лисиц! Триста! Как будто двадцати или пятидесяти было бы недостаточно!.. Не удивлюсь, если завтра наши живодеры отправят меня ловить пингвинов...

– Пингины в Северном полушарии не живут, – напомнила Ким, смешивая Мефодию восстанавливающий коктейль, который был призван заменять ему плохо зарекомендовавшую себя установку для внутричерепных инъекций – самого экстренного средства восстановления сил.

– Вот я и говорю: сначала пошлют меня вплавь до Антарктиды, а потом заставят там ловить пингвинов голыми руками. А не уложусь в норматив, пошлют снова. Изверги! В особенности индеец!

– Вчера главным извергом был Мигель, – улыбнулась Ким, усаживаясь рядом с Мефодием на кровать. Словно опасаясь, что друг не удержит в дрожащих руках кружку, она собиралась напоить его.

– А они между собой договариваются! – пояснил Мефодий. – Уверен, у них даже график расписан, кому когда надлежит свирепеть, а кому добреть! Добрый наставник – злой наставник!..

– Пей и не зуди, – велела «сиделка». – Ты же доброволец, не забыл? Не нравится, можешь уйти в любой момент – никто не держит.

– М-м-м, – замычал Мефодий, поскольку зудеть ему мешал чуть ли не насильно вливаемый в горло коктейль. Пришлось сначала безропотно его выпить и только после этого возмутиться: – Я?! Уйти?! Чтобы эти мерзавцы всю оставшуюся жизнь меня доставали гнусными

шутками – дескать, сдрейфил господин Ятаганов, а как на дело-то рвался!.. Вот назло им сдохну, но из Проекта не выйду. Они же только этого и хотят, видать, самим уже все надоело!

Кимберли приложила к губам Мефодия палец и ласково произнесла:

– Тебе дали на отдых три часа. Это очень мало. Я во всем с тобой согласна, так что мне можешь больше ничего не говорить. Выспись; это будет куда полезнее, чем ругаться самому с собой.

Спокойный тон Кимберли остудил Мефодия быстрее, чем это сделал бы усмирительный сигнал. Проверенный послушно закрыл глаза и расслабился, но едва Кимберли собралась подняться с кровати, как его рука мягко удержала девушку за бедро.

– И не думай! – заявила Ким, по одному отцепляя от своего бедра хваткие пальцы без пяти минут мастера. – Если еще я начну из тебя силы вытягивать, тогда точно протянешь ноги где-нибудь в торосах. Будет у нас еще на это время, я ведь никуда не уйду. Кто твой ангел-хранитель?

– Ты мой ангел-хранитель, – как прилежный школьник, отбарабанил Мефодий. – Но... Просто соскучился.

– Сосредоточься на деле, – посоветовала Ким, оставляя его на кровати в одиночестве. – И тогда скучно не будет.

– Что верно, то верно, – пробормотал Мефодий, поворачиваясь на бок. – Скучно не будет. Будет ой как весело...

И действительно, с каждым днем становилось все веселее и веселее. Неделя бежала за неделей; времени на отдых проверенному давалось все меньше, продолжительность процедур увеличивалась. Голова болела практически не переставая, но тем не менее организм Мефодия приспособился к этому бешеному жизненному ритму и вошел в энергосберегающий режим функционирования.

Подопытный приноровился в мгновение ока засыпать в любой момент передышки. Засыпать как сидя на стуле и стоя на ногах, так и на ходу, если попадался ровный участок трассы. Если теперь Мефодий пререкался с наставниками, то делал это крайне редко и по существу, в основном же безропотно выполнял все их требования. Придирки Бегущего Бизона и подтрунивания Мигеля переносились подопытным с бесстрастностью каменного изваяния. Иногда выходило так, что Мигель ощущал себя полным кретином, пытаясь вылезти вон из кожи, чтобы поколебать невозмутимость своего ученика.

Отрезанный от мира, Мефодий испытывал острейшую нехватку известий с большой земли, на которой теперь всю разгуливали юпитерианские интервенты. А наставники, в том числе и частенько наведывавшийся к подопытному Глава Совета, упорно отказывались проводить для него политинформации, как бы слезно он их ни умолял.

– Ничего нового, – отвечал на все вопросы исполнителя Гавриил. – Неужто думаешь, что я бы держал тебя в неведении, если бы наверху происходило что-то эпохальное?

Мефодий, конечно, ни о чем подобном не думал и никаких обид на Гавриила не держал, поскольку думать, а тем более обижаться было для него сегодня непозволительной растратой сил...

– Не мог отказать себе в удовольствии увидеть такое! – довольно потирал ладони толстяк Сатана, расхаживая взад-вперед по смотровой площадке одного из полигонов, на который Мефодия доставили для планового тестирования.

Уже усвоив, что понятие «плановое» еще не означает «рядовое» и может означать все, что угодно, Мефодий заранее настроился на очередную гадость и настороженно замер в углу похожего на борцовский зал помещения. Табличка на стене гласила: «Полигон 214». Только в отличие от мягких борцовских татами пол здесь был каменным и отшлифованным до блеска

тысячами ног, топтавших его многие века. Кроме огороженной смотровой площадки под потолком, просторное помещение не имело никаких излишеств. Тестируемый входил через шлюз внутрь огромного каменного куба и ждал, когда его подвергнут не то научным тестам, не то обыкновенным издевательствам.

Помимо возбужденного Сатаны, на смотровой площадке собрались все имеющие отношение к Проекту «Самсон-2» члены Совета: его Глава, советник и телохранитель Гавриила смотритель Йошида и, конечно, Бегущий Бизон, глаза которого многообещающе сощурились и горели злорадным огнем. По скупой мимике Бегущего Бизона было невозможно определить, предложит ли сейчас индеец-шайен Мефодию трубку мира или бросит в него топор войны. Мефодий склонялся ко второму варианту, но не потому, что был пессимистом, а потому, что в последнее время совершенно не представлял Бегущего Бизона с трубкой во рту.

Среди собравшихся отсутствовал только Мигель, но и он не заставил себя долго ждать. Появился мастер, однако не на смотровой площадке, а вошел прямо в каменный зал через второй шлюз, который тут же за ним закрылся.

– Добро пожаловать в Колизей, – громко, с пафосом произнес он. – Место, где также возможно отыскать Истину!

– О чем это ты? Какой Колизей? – не понял Мефодий. – У нас что, сегодня по плану гладиаторские бои?

– Бои! – подтвердил Мигель. – Но не просто бои, а бои во имя поиска Истины! Лабиринт лабиринтом, но без прохождения Колизея он – ничто!

– Замечательно, – пробормотал проверенный, хотя ничего замечательного не предвидел. – Старушка-Истина будет явно польщена – столько внимания ей за последнее время... Ну, так на чем и с кем будет бой?

– Пока на кулаках и со мной.

– Что значит пока?

Вместо ответа Мигель картинным жестом из гонконгских боевиков поманил Мефодия к себе.

Подопытный покосился на смотровую площадку – «трибуны» замерли в ожидании. Действительно, тест был предельно простым. «Кто первый умер, тот и проиграл», – вспомнилась Мефодию сказанная неизвестно кем и когда фраза. Все, что сейчас требовалось от проверенного, это надавать по шее многоуважаемому мастеру с пятисотлетним стажем. И это с учетом того, что сам мастер будет категорически возражать. И, как было заметно по выражению его лица, без какого-либо снисхождения к старому другу...

Побить мастера?.. Да без проблем!

Мефодий вышел из угла, проследовал на середину зала и встал напротив инструктора. На что способен мастер в бою, проверенный помнил и потому, исходя из разумной осторожности, не стал кидаться на Мигеля очертя голову. Мигель не кидался на него по какой-то другой причине, но определенно не из-за того, что опасался кулаков господина Ятаганова. Наставник и ученик замерли в ожидании и оценивали друг друга пристальными змеиными взглядами.

– Прошу поторопиться! – раздался со смотровой площадки нетерпеливый голос Сатаны. – Не знаю, как остальные, но лично я страшно занят. Мастер, оторви подопытному голову и брось мне! Я вычищу из нее недоразвитые мозги, высушу и повешу на стену для коллекции!

Подобное неуважение к его мозгам задело Мефодия настолько, что, сам того не ожидая, он бросился в атаку. Серия быстрых ударов кулаками должна была завершиться сокрушительным боковым ударом ногой в голову – атакующая связка выглядела не очень оригинальной, но при должном усердии могла сработать.

Все усердия проверенного пропали даром, хотя он, как ему показалось, выложился по полной программе. Похожая на лопасть вертолетного винта и способная смести за раз пяток

землекопов нога подопытного прочертила в ударе полуокружность, однако никого на пути не повстречала. Цель атаки – инструктор по боевому тренингу по непонятной причине уже не стоял перед Мефодием, а маячил у него за спиной.

Подопытный не стал вдаваться в секрет маневра мастера. Едва коснувшись ногами пола, он тут же совершил повторный прыжок с разворотом, на этот раз увеличивая скорость удара и стараясь увеличить область поражения. Но только Мефодий снова повернулся к Мигелю лицом, как тот, не дожидаясь, пока ботинок подопытного достигнет его головы, взмыл в воздух, после чего, не особо опасаясь контратаки противника, двинул Мефодию ногой в грудь.

Грудная клетка Ятаганова отозвалась гулким барабанным стуком. Его атакующий прыжок превратился в горизонтальный полет, и он с раскинутыми в стороны руками грохнулся оземь и заскользил к стене. В последний момент подопытному удалось сгруппироваться, иначе бы он ударился затылком о стену. Таранить головой гранит Мефодий еще не пробовал, хотя прецеденты с менее крепкими материалами в его практике уже имелись.

Мигель будто взбесился. Едва только Мефодий вскочил на ноги, как мастер обрушил на него весь свой арсенал рукопашных приемов. И все же нельзя сказать, что подопытного лупили как боксерскую грушу. Он тоже довольно часто контратаковал, и удары его достигали соперника. Правда, в отличие от ученика наставник ни разу на полу не оказался.

Мефодия роняли на пол и возили по нему с такой регулярностью, что после десяти минут поединка он даже наловчился предсказывать, когда и как снова грохнется на камень; все зависело только от желания мастера. Об акробатике, с которой проверенный начал поединок, пришлось забыть. Впрочем, Мигель акробатикой отнюдь не брезговал и блистал ею при каждом удобном случае.

Права Кимберли: когда уж тут скучать!..

Видимо, инструктор получил от зрителей телепатический приказ, так как, не закончив очередную атаку, прекратил бой и, скрестив руки на груди, отошел в угол зала. Мефодий как раз решал, стоит ли дожидаться удара наставника или просто упасть на лопатки заблаговременно, поэтому не сразу понял, что оставлен в покое. Бой закончился, но подопытный продолжал молотить кулаками пустоту перед собой. Когда же до него дошло, что тест завершен, он, стараясь сохранить остатки достоинства, вальжной походкой (правда, при этом хромая и пошатываясь) удалился в противоположный угол.

– Мастер бился не в полную силу! – заявил Сатана, очевидно недовольный тем, что голова подопытного все еще на плечах. – Где истинная боевая ярость? Это не испытание, а какие-то танцы землекопов!

Мефодий хотел было вступить за Мигеля – ничего себе танцы, ни одного живого места на теле не осталось! – но, к его удивлению, остальные трое зрителей Сатану поддержали.

– Думаю, следует усложнить испытание, – подытожил Гавриил. – Смотритель Бегущий Бизон, прошу вас!

Шайен подошел к пульту на стене и нажал на нем несколько кнопок. Тотчас пол под ногами Мефодия задрожал и медленно, будто надуваемая компрессором резиновая лодка, стал из идеально ровного превращаться в некое подобие Гималаев в миниатюре. Не успел проверенный опомниться, как он уже стоял на крутой горке. Мигель в это время пытался выкарабкаться из расщелины, в которой умудрился очутиться. Мгновение, и полигон 214 стало попросту не узнать: теперь на нем можно было практиковаться в скалолазании.

Но на этом метаморфозы не завершились. Едва пол прекратил движение, как из-за стены донесся странный звук. Характер звука вызывал ассоциации с гигантским унитазом, у которого нажали на смыв. Мефодий в беспокойстве стал озираться по сторонам. Мигель выругался и, очевидно догадываясь, что сейчас произойдет, поспешил занять ближайшую к нему возвышенность.

Вода хлынула из открывшихся в полу клапанов и начала прибывать такими темпами, что могла бы заполнить помещение до потолка минуты за две. Однако ей этого не позволили, и лишь только впадины вокруг возвышенностей оказались затоплены, Бегущий Бизон вернулся к пультам и прекратил моделирование Всемирного Потопа.

– Вот это совершенно меняет дело! – злорадно воскликнул Сатана, глядя сверху на раскинувшийся под смотровой площадкой ландшафт с двумя исполнителями на пригорках, скучившимися от нежелания мокнуть в холодной воде. – И все равно чего-то недостает, не находите?

Мефодию захотелось возразить: что вы, что вы, дескать, спасибо огромное, всего достаточно! Но, во-первых, Сатана обращался не к ним, а во-вторых, спорить с командованием было себе дороже. Поэтому оставалось лишь молча гадать, что же обрушится на них с Мигелем в качестве пикантной добавки.

Вишенками на торт оказались не снег или ураган, которые, в чем Мефодий не сомневался, в Колизее вполне могли быть вызваны, а двое мастеров из комендантского гарнизона. Явившиеся по приказу исполнители были коренными и, судя по тому, как уважительно разговаривал с ними Бегущий Бизон, весьма заслуженными бойцами. «Коменданты» отцепили слэйеры, оставили их на смотровой площадке и через шлюз спустились вниз.

«Сейчас или утопят, или разорвут на части, как доберманы! – с тоской подумал Мефодий. – А я даже не попрощался с Кимберли... Отдадут ей, бедняжке, мои косточки в полиэтиленовом пакете, и повезет она их в Староболотинск на погребение...»

Вновь с удвоенной силой разболелась голова и заныло усталое и разбитое во всех местах тело. Странно, но почему-то именно сейчас захотелось съесть торт из мороженого, покрытый шоколадной глазурью и посыпанный ореховой крошкой; захотелось настолько остро, что даже слюнки потекли. От столь несвоевременной мысли, а может, просто от безысходности Мефодий так широко заулыбался потиравшим кулаки мастерам, что те на секунду опешили и остановились, ожидая от него подвоха. Но потом пожали плечами и продолжили окружать проверенного, не сомневаясь в собственной победе.

Мефодий и не пытался вступать в открытый бой с тремя мастерами сразу – это было равносильно прыжку в карьерную щебнедробилку. Цель Ятаганова выражалась коротким словом: выжить! Здесь уже не приходилось задумываться о сложных сценариях обороны, следовало придерживаться принципа «чем меньше возле тебя противника, тем лучше». Проще говоря, проверенный сочетал бегство с короткими яростными контратаками.

В какой-то степени видоизмененный рельеф полигона даже помогал. Противникам Мефодия приходилось думать не только об атаке, но и о том, чтобы устоять на ногах, в то время как для него устойчивость приоритетом не являлась. Когда требовалось, он мог убежать на четвереньках, съехать со склона на животе, а то и просто плюхнуться в ближайший водоем, совершенно не заботясь о том, как выплыть, – все равно рано или поздно кто-либо из мастеров извлекал его оттуда за шиворот.

Все-таки Сатана оказался прав – в предыдущем бою Мигель действительно по старой дружбе сдерживал силу своих ударов. Пришлые мастера лупили Мефодия от всей души. Что за инструкции дал им Бегущий Бизон – неизвестно, но складывалось впечатление, будто подопытный был представлен «комендантам» Сатиром или Циклопом. Мефодий не успевал вправлять выбитую челюсть и свернутый нос, поскольку в нормальном положении они оставались от силы полминуты. Промокший насквозь, Мефодий перепрыгивал с горки на горку, тут же, сбитый подсечкой, скатывался вниз, окунался в холодную воду, вскакивал, получал очередную порцию тумачков, изредка умудрялся ответить сам, вырывался и снова бежал на горку, едва успевая перевести дух. Потом вся история повторялась, только, вопреки известному афоризму, далеко не в виде фарса...

Делить это избиение на раунды никто из стоящих на смотровой площадке не собирался. Счет времени Мефодий не вел, однако понял, что продолжаться сие зубодробительное действо будет долго – зрители явно ожидали от него нечто особенное. Вот только если под этим «нечто» подразумевалась его победа, значит, до финала оставались еще годы, а то и десятилетия...

– Живучий же, гад! – проворчал один из «комендантов», выдергивая Мефодия из воды и сворачивая ему нос в одиннадцатый или двенадцатый раз – Мефодий статистику собственных повреждений уже не вел. – Из-за какого-то проверенного столько хлопот!

– И не говори! – согласился второй, разрешая Мефодию подняться на ноги, но лишь для того, чтобы ударить его ногой в солнечное сплетение. – Все равно что манекен колошматить! Откуда приволокли этого непрошибаемого?

– Мой ученик! – с гордостью сообщил Мигель, догоняя падающего воспитанника и добавляя ему по ребрам. – Может, слышали – это он от Афродиты кусочек отрезал!

– Да ну?! – удивились «коменданты» и, очевидно не поверив Мигелю, догнали Мефодия, остановили его ногами, будто футбольный мяч, после чего у него же и поинтересовались: – Так это правда был ты?

– Я! – подтвердил подопытный, пытаясь удрать от «комендантов» на четвереньках.

– А ты, должно быть, крутой малый! – уважительно заметили коренные, пасуя Мефодия друг другу увесистыми пинками. – Покалечить небожителя – не каждому зрителю по плечу.

– Да что там, парни! – с энтузиазмом подключился к ним Мигель. – Просто повезло тогда новобранцу, и все дела!

– Мне бы хоть раз так повезло! – бросил в сердцах один из «комендантов», выпинывая Мефодия «за боковую линию» – к стене Колизея. – Торчишь тут десятилетиями, как крот, хорошо хоть в отпуск на поверхность два раза в год отпускают.

– Да, никаких радостей в жизни! – поддержал его другой. – И если бы не эти редкие минуты разрядки, совсем бы от скуки передохли... Ты смотри, что делает! – И отпрянул назад, поскольку подскочивший с пола Мефодий пошел в очередную контратаку и умудрился заехать «коменданту» по физиономии.

Никаких сюрпризов эта неравная схватка не преподнесла и завершилась именно так, как должна была завершиться. В конце концов, выдержать подряд три мастерских удара ногой в голову мог либо безмозглый, либо мертвец. Мефодию для нокаута хватило бы и двух, но Мигель об этом не знал, так что последний его удар в принципе был лишним...

Череда из непонятных шумов, больше всего похожих на океанский прибой, и ярких вспышек перед глазами медленно трансформировалась в голове Мефодия в некую калейдоскопическую цветомузыку. Было в этой цветомузыке неземное блаженство, да и просто лежание без движения сейчас являлось для исполнителя ни с чем не сравнимым наслаждением. Даже боль во всем теле не могла испортить ощущения плавного полета в сверкающую всеми цветами радуги неизвестность.

Тело Мефодия куда-то долго волокли и затем куда-то водрузили. Отбитая спина ощутила жесткий операционный стол, на котором Бегущий Бизон и Сатана держали подопытного во время экспериментов над его мозгом.

Шальные обрывки зрительских разговоров вклинились в наполнявшую голову цветомузыку:

– Целый час против трех мастеров... Считаю, что до дня игрек нашему «самсону» осталось совсем немного... – голос Бегущего Бизона.

– Да, зрелище удалось на славу! А я считал, что он сдастся на десятой минуте... – занудный баритон Сатаны.

– Кто станет донором? – снова голос Бегущего Бизона.

– Я! Я дал на это добро, и я вправе решать, чей гормон будет взят для Проекта... – смотритель Гавриил; голос взволнованный, но тем не менее уверенный.

– Я так и знал, что мне не доверят стать донором! Начнутся потом у подопытного проблемы, сразу пойдут разговоры: «А чего вы хотели? Сатанинский гормон как-никак!..» – Сатана передразнивает Главу Совета.

Бегущий Бизон:

– Поддерживаю ваше решение, смотритель Гавриил. Что ж, еще несколько подготовительных процедур, и переходим к главной стадии Проекта... Вы никуда не отлучаетесь в ближайшие пару недель?

Гавриил:

– Позавчера поступил доклад от смотрителя Пенелопы, что в Ницце обнаружен еще один кандидат на деблокирование с меткой Хозяина. Слетаю на пару дней, надо убедиться, правда это или нет, но ко дню игрек вернусь обязательно.

Цветомузыкальная симфония в голове исполнителя прекратилась, так и не дойдя до финала, а на ее место вернулась прежняя головная боль, вонзившаяся в мозг пучком раскаленных игл.

Смотрители Бегущий Бизон и Сатана продолжали свою ответственную эпохальную работу.

Мефодий не помнил, каким образом он вернулся в их с Кимберли жилой отсек, однако, придя в себя, констатировал, что находится именно там, а не где-то еще. Последним четким воспоминанием Ятаганова был ботинок инструктора, бьющий его в лоб, а дальше шли сплошные провалы и обрывки смотрительских разговоров, которые вполне могли быть просто посттравматическими галлюцинациями.

Мефодий с трудом разлепил глаза и посмотрел на окружающий мир словно через смотровую щель танка.

– Только не подходи к зеркалу! – предупредила его сидевшая у изголовья Ким. – А то увидишь там картину Пикассо и подумаешь, что рехнулся.

– Кажется, я провалил тест, – неуверенно произнес Мефодий, ощупывая собственное лицо.

Кимберли была права. Его лицо действительно напоминало портрет работы Пикассо периода кубизма: отбитые чуть ли не до квадратной формы уши, вздувшиеся щеки, глаза как прорези в рыцарском шлеме, несимметрично выпирающие вперед губы... Здорово досталось подопытному на орехи! А какие надежды возлагало руководство Проекта на прогресс боевого мастерства просвещенного исполнителя...

– Тогда проваливай свои тесты дальше! – усмехнулась Ким. – Если за каждый проваленный тест тебе будут дарить такие вкусности, думаю, вообще нет смысла работать с полной отдачей.

– Ты это о чем? – оживился Мефодий, приподнимаясь на локтях и приплюхиваясь. Ему давно показалось, что в отсеке витает ностальгический аромат чего-то далекого и нереального. Аромат, принятый Мефодием за обонятельную галлюцинацию, – продукт воображения усталого и сотрясенного мозга.

Впрочем, то, что стояло сейчас на столе, было продуктом отнюдь не воображения, а вполне конкретного кулинара. Подопытный даже несколько раз моргнул глазами-щелочками, стараясь прогнать пришедшее из мимолетной мечты наваждение...

Большой, размерами с колесо мотороллера, торт занимал почти половину стола. Его шоколадные башенки, розочки и прочие декоративные детали отливали аппетитным блеском в тусклом освещении отсека. Ореховая крошка создавала иллюзию, что торт припорошен све-

жевыпавшим снежком. Мефодий скорее мог представить у себя на столе зажаренного на вертеле оленя, чем этакое чудо из чудес.

– Торт! – только и сумел произнести пораженный исполнитель. – Настоящий торт! Где ты его взяла?

– В кондитерской за углом купила! – съехидничала Ким, но потом пояснила: – От повара «комендантов» доставили. Сказали: подарок тебе от Главы Совета за успешное прохождение подготовительного периода. Только порекомендовали съесть быстрее, а то растает.

– Так он еще и из мороженого! – вконец ошалел от счастья подопытный и вскочил с кровати с несвойственной избитому страдальцу прытью.

– Еще просили передать, что тебе выделен двухдневный отдых, – добавила Кимберли. – Рекомендую отоспаться как следует.

– Отосплюсь, – заверил Мефодий, осторожно подкрадываясь к торту, словно тот мог спрыгнуть со стола и броситься наутек. – Ну что сидишь? Обходи с другого фланга и уничтожай, пока Гавриил не решил, что слишком добр ко мне, и не забрал его обратно!

– Да, тяжелый случай... Типичная паранойя, развившаяся в связи с перетренированностью и глубоким истощением, – сочувственно глядя на друга, вздохнула Ким, но инициативу его тем не менее поддержала.

– Ну, милая... про глубокое истощение я бы не говорил, – возразил Мефодий, вонзаясь в торт самой большой найденной в отсеке ложкой. – Думаю, что для твоего подарка сил вполне хватит... Больше всего боялся, как бы мне на этих тестах не отбили все без исключения, но ребята попались хорошие, понимающие. Ведь у тебя тоже есть для меня подарок, не так ли?

– А приказ отсыпаться? – напомнила Ким.

– Давай считать твой подарок средством от бессонницы. Так что никаких нарушений режима не ожидается.

Видимо отыскав в доводах друга толику здравого смысла, Кимберли согласилась, но с условием, что завтра он на эту тему даже не заикнется. Мефодий все условия Ким принял безоговорочно, поскольку знал, что к утру сил у него как раз и останется лишь на спокойный здоровый сон.

– Самсон был коренным, причем одним из первых коренных, которых касалась рука самого Хозяина, – объяснял Гавриил Мефодию, в то время как Кимберли и двое ее ассистентов подготавливали одну из лабораторий-операционных Сатаны. – Тогда мы посчитали, что для нашего Проекта Самсон будет наиболее подходящей кандидатурой. Оказалось совсем наоборот...

Мефодий в нелепой больничной пижаме сидел на диване в ожидании начала операции. И хотя Бегущий Бизон и Гавриил предстоящую процедуру полноценной хирургической операцией не считали, другое определение дать ей было сложно, а потому исполнитель слегка нервничал. Как и тогда, почти год назад, при собственном деблокировании, Мефодий чувствовал поступающие в его мозг от зрителя Гавриила успокоительные телепатические сигналы. Однако сегодня, когда мозг подопытного уже не был мозгом простого землекопа, помощь зрителя была скорее символической и блаженной эйфории почти не вызывала.

– Почему же вы не свернули первый Проект, когда все пошло наперекосяк? – поинтересовался Мефодий. Беседа была сейчас для него наилучшим успокоением.

– Доброволец не пожелал, да и мы... – Гавриил осекся, словно у него, одного из самых развитых людей на планете, не нашлось оправдания. – Да и мы хотели узнать, чем все это закончится... Узнали! Сначала понадеялись на его идеальный организм. Потом выяснили, что тот с трудом поддается вмешательству, а нововведения, что уже внесены, – совершенно необратимы. У Самсона было два пути – либо выйти из Проекта и на всю жизнь остаться неполно-

ценным исполнителем, практически инвалидом, либо идти вперед, к полной победе или полному поражению... А он был такой же, как ты, – упрямец из упрямцев.

– Ну, раз я до сих пор участвую в Проекте, – усмехнулся Мефодий, – выходит, что мое упрямство – это скорее добродетель, чем порок?

– В чем-то да, в чем-то нет, – туманно ответил Гавриил. – Как любит говорить смотритель Йошида, у всего на свете есть как минимум две стороны, и на любую из этих сторон можно смотреть с разных углов...

В процедурную вошли Бегущий Бизон и Сатана, оба в облачении хирургов, выяснили, что операционная еще не готова, и опустили в кресла напротив Гавриила и Мефодия, держа руки в резиновых перчатках перед собой, дабы соблюсти стерильность.

– Смотритель Бегущий Бизон! Исполнитель Мефодий попросил посвятить его в суть предстоящей процедуры, но я оставил эту почетную обязанность для вас, – произнес Гавриил и, устало закрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

– Благодарю за оказанное доверие, – кивнул шайен, после чего развернулся к Мефодию и первым делом спросил: – Помнишь нашу недавнюю беседу о принципах победы? – Разумеется, Мефодий помнил. – Тогда мы не стали вдаваться в некоторые детали, – продолжил Бегущий Бизон. – Такие, как, скажем, первопричины силы и скорости воина. А вот сейчас, наоборот, я не хочу углубляться в философские темы – времени на это уже нет, – а просто задам тебе элементарный вопрос: почему сегодня ты пробегаешь восемьдесят километров в полтора раза быстрее, чем до начала Проекта?

Манера общения смотрителя-индейца никогда не нравилась Мефодию: вопросы – ответы, словно поучает нерадивого школьника, когда может с таким же успехом спокойно рассказать все, что требуется. Иногда на это просто не обращаешь внимания, а иногда, особенно в присутствии посторонних, это ужасно нервирует.

– Ваше мудрое руководство, – со скрытой издевкой ответил проверенный. – Редко я пробегаю эту дистанцию по одному разу. Тут уж волей-неволей натренируешься.

Гавриил, не открывая глаз, едва заметно усмехнулся. Бегущий Бизон, однако, не обратил внимания на сарказм подопытного.

– Все правильно – тренировки! А в чем вообще смысл тяжелых регулярных тренировок?

Мефодий хотел без обиняков ответить, в чем лично он видит смысл этих регулярных не то забегов, не то заплывов по глубокому снегу при любой погоде... Но воздержался – слишком много сарказма не простит даже такой невозмутимый тип, как шайен. Не простит и отыграется потом на Мефодии при помощи все тех же пробежек.

– Адаптация, – ответил Мефодий. – Связки и мускульные ткани укрепляются, организм привыкает к возросшему потреблению кислорода и питательных веществ. Нервная система начинает быстрее реагировать на раздражители, что в конечном итоге приводит к ускорению химических реакций как внутри головного мозга, так и во всем теле. Ничто не отделимо друг от друга. Таким образом, человек поднимается на определенную ступень развития, становясь в чем-то совершеннее себя вчерашнего и более уверенно делая прогнозы насчет себя завтрашнего... – И, весьма довольный, подытожил: – Без труда не вытащишь и рыбки из пруда! Как видите, смотритель Бегущий Бизон, без философии опять не обошлось!

– Отставить философию, – отмахнулся шайен. – То есть в конце концов все свелось к частоте нервных импульсов и скорости химических реакций в клетках, а также способности головного мозга контролировать их, ты это хочешь сказать?

– Ну, если подумать... Да.

– Еще вопрос по теме: что такое катализаторы?

– Вещества, которые ускоряют, замедляют или вообще изменяют ход химических реакций... Как, например, адреналин у землекопа и исполнителя. Напугайте землекопа хорошенько, так он и исполнителю по шее накомыляет! Правда, у землекопа впрыск адреналина

ради его же блага автоматизирован, но мы способны использовать адреналин когда вздумается и в любой нужной дозе.

– Хорошо, что сам про адреналин вспомнил, – заметил Бегущий Бизон. – Адреналин очень мощный катализатор, сохранять под его воздействием невозмутимость духа могут только исполнители. Однако, я так понимаю, про смотрительскую разновидность адреналина тебе пока ничего не известно?

– Есть и такая? – удивился Мефодий. – А я раньше думал, что вам эта добавка вообще не нужна. С вашими-то возможностями!

– Подобие адреналина, исполнитель Мефодий, имелось даже у Хозяина. Только следует провести разграничение. Адреналин землекопа и адреналин исполнителя – это практически одно и то же вещество. Адреналин зрителя от них отличается. Он имеет усовершенствованную, более сложную многоструктурную формулу. Смотрительский адреналин способен на такое ускорение химических реакций в организме, какое неминуемо приведет простого исполнителя и тем более землекопа к гибели.

– Я понял! – осенило Мефодия. – Вы собираетесь закачать мне адреналин зрителя, чтобы после ваших экспериментов я стал первым исполнителем, который сможет левитировать!

– Ух ты, как разогнался! – подскочил в кресле, казалось, дремавший Гавриил, а Сатана и вовсе захохотал. – Летать!.. Прав был твой соотечественник: «Рожденный ползать летать не может!» Летать – это нечто более сложное, чем простая корректировка мозга и пересадка адреналина. Да и не будет никакой подачи! Не отдам я тебе свои надпочечники¹, не надейся! Они мне самому еще понадобятся.

– Мы возьмем у зрителя Гавриила из надпочечников лишь пункцию железы, – продолжил Бегущий Бизон, – и поместим в твои. Смотрительская железа перенастроит твою железу и в течение некоторого времени произведет полную реконструкцию твоей адреналиновой формулы. Ты – исполнитель с очень быстрым темпом прогресса и способен легко адаптироваться к экстремальным нагрузкам. Поэтому мы склонны считать, что реконструкция адреналина не скажется на твоём здоровье отрицательно.

– Хотелось бы надеяться, – пробормотал Мефодий.

– Все это время твоё тело и мозг тестировались и подготавливались только к одному: смене исполнительского адреналина на более мощный – смотрительский. В этом заключается коренное отличие второго Проекта от первого, где усовершенствование пытались осуществить при помощи других методик. Нельзя сказать, что мы удовлетворены всеми результатами. Есть ряд отклонений, в частности твои постоянные головные боли. Но в целом анализ подготовительного периода обнадеживает.

– И что будет после того, как меня перезаправят новым адреналином? – полюбопытствовал Мефодий.

– Поглядим, – неопределенно пожал плечами Бегущий Бизон. – Кто знает, вдруг и впрямь полетишь...

За свою короткую, но насыщенную событиями жизнь Мефодию уже приходилось говорить: «Да, это дерьмо, в которое я сейчас вляпался, просто сущий ад!» Со временем пережитых критических ситуаций за плечами проверенного накопилось столько, что в конце концов стало невозможно определить, какой из виденных им «адов» самый сущий и отвратительный.

На данный момент отвратительнее того состояния, в котором он пребывал, подопытный не припоминал. Сегодняшний ад Мефодия имел вид отделанной мягкой обивкой палаты для буйнопомешанных, палаты, в которой не было никакой мебели, даже кровати. Впрочем, мебель

¹ Органы, имеющие эндокринную железу, ответственную за производство адреналина в организме.

Мефодию все равно не пригодилась бы – ни лежать, ни сидеть, ни тем более стоять нормально он не мог.

Несмотря на мягкий облик нынешнего ада, дружелюбием от него не веяло. Веяло скорее злым равнодушием санитар-надзирателя за агрессивными психами, на корню пресекающего любые нежелательные поступки. И хоть изоляция Мефодия была организована во благо как его, так и окружающих, мягкие белые стены давили на психику подопытного, не помогая, а лишь усугубляя его страдания.

Разумеется, в изоляторе для буйнопомешанных – или как он назывался в лабораториях Сатаны? – Мефодий очутился отнюдь не за прилежное поведение. Операция по реконструкции его адреналина шла довольно успешно вплоть до того момента, пока процесс преобразования не заработал на полную мощь. А началось это еще на операционном столе.

Реконструкция адреналина на поверку оказалась не так безобидна, как предполагалось. Конвульсии подопытного от конфликта в его крови сразу двух разновидностей адреналина были столь чудовищные, что едва не разорвали тело Мефодия на куски. Выяснилось, что возникшая проблема была зрителями не предусмотрена, и, пока они утихомирили мечущегося по операционной Мефодия мягкими гравитударами, тот успел натворить немало бед, разнеся операционную словно осколочная граната. А поскольку попытки спеленать буйствующего исполнителя результата не дали – он шутя разрывал кожаные ремни и сгибал стальные носилки, – его решили запереть в изоляторе.

По осмысленному взгляду Мефодия было видно, что он продолжает пребывать в сознании, однако ни контролировать свои резкие телодвижения, ни нормально разговаривать попросту не может. Проект «Самсон-2» впервые оказался на грани срыва.

Тело Мефодия не подчинялось ему абсолютно. Казалось, мысленные команды просто пропадают на полпути к конечностям, а если и достигают их, то исполняются теми крайне непредсказуемо. Подопытный махал руками как плетью, прыгал под потолок и на стены. Его трясло так, что даже когда он падал на пол, то продолжал подпрыгивать словно напружиненный. Сердце исполнителя трепыхалось с невероятной частотой, а температура тела колебалась у отметки «при смерти». Еще немного, и кровь могла свернуться прямо в артериях и венах, образовав в них неисчислимые тромбы. У Мефодия не получалось расслабиться и просто полежать, поскольку он натуральным образом забыл, как это делается...

Бывало, зрители прижимали подопытного легкими гравитударами к стенам изолятора и пичкали его релаксантами, но пользы от лекарств было мало. С тем же успехом можно было пытаться кубиком льда охладить чан кипящей воды.

На двери изолятора имелось заделанное непробиваемым стеклом оконце. С момента помещения подопытного в карантин кто-нибудь из участников Проекта постоянно следил за вышедшим из повиновения исполнителем. По большей части это была верная Кимберли, не имеющая возможности Мефодия даже покормить. Ким просто стояла и молчала, взгляд ее был полон печали и выражал столько страдания, сколько не было во взгляде самого проверенного. Мефодию хотелось обнять и утешить ее, но сделать этого он не смог бы, даже если бы очень захотел. Своими неконтролируемыми объятиями он просто-напросто переломил бы Кимберли позвоночник.

Зрители наблюдали за подопытным обычно вместе и при этом, судя по всему, вели между собой долгие телепатические дискуссии. Темы их дискуссий были для Мефодия очевидны: следует ли сжалиться над бешеной собакой и пристрелить ее, выведя из Проекта, или все же дать ей перебеситься – авось что-нибудь да получится. Изредка до исполнителя долетали их телепатические вопросы о самочувствии, на которые он отвечал единственным, что был в состоянии четко сформулировать: «Жив!» Но обычно исследование мозга взбесившегося проверенного шло без его ведома, и все решения о судьбе Мефодия принимались за его спиной.

Часто вместе со зрителями приходил Мигель, вид у которого был почему-то виноватый, будто это он являлся причиной постигших Мефодия неприятностей. Мигель молча маячил за зрительскими спинами, иногда оставался после ухода зрителей, о чем-то беседовал с поникшей Кимберли – видимо, обнадеживал – и, так же виновато глядя под ноги, удалялся.

Единственным положительным моментом ситуации являлось то, что состояние исполнителя оставалось хоть и критическим, но стабильным. Только это удерживало Главу Совета от немедленного сворачивания Проекта.

Сил у Мефодия после всех тестов оставалось мало; за дни произвольного буйства они иссякли вовсе. Обессилев и закончив терзать обивку изолятора, подопытный упал на пол и больше не поднимался, лишь часто вздрагивал будто при разряде электрического тока. Сознание Мефодия балансировало на грани бытия и небытия, периодически пересекая эту грань и каждый раз возвращаясь обратно. Жить не хотелось, но на смерть, как ни парадоксально, сил тоже не было.

Едва жертва адреналиновой экспансии прекратила сходить с ума и затихла, как к ней в палату тут же ворвались зрители и ассистенты. Они спеленали подопытного особо прочной смиренной рубашкой и утыкали капельницами с питательным раствором, однако не настолько энергетическим, чтобы бешенство вновь обуяло его. Прделав все необходимое, взяв анализы и проведя в изоляторе уборку, участники Проекта удалились, предосторожности ради все же не став снимать с Мефодия сильно жавшую в плечах смиренную рубашку. Ким хотела было остаться, но Бегущий Бизон ей это категорически запретил.

Спеленутый туже, чем подготовленный к мумифицированию фараон, проверенный опять очутился в тоскливом одиночестве. Через некоторое время буйство вернулось, и Мефодий принялся елозить по полу изолятора, правда, редкими вялыми движениями – сказывалась малая калорийность питательного раствора и повышенная доза успокоительного.

Битва двух разновидностей адреналина в крови Мефодия продолжалась...

Кимберли открыла глаза, мгновенно пришла в себя и поняла, что, несмотря на нервозность последних дней, сумела ненадолго задремать.

Впрочем, ничего себе ненадолго! Проспать три часа в жестком кресле, причем так крепко, что даже ни разу не поменять позы! Что ни говори, а постоянное волнение здорово выматывает. Тем более волнение за жизнь любимого человека...

Уже через секунду Кимберли догадалась: пока она спала, что-то стряслось. Доносившийся ранее из изолятора шум прекратился. Ни возни, ни криков, ни ударов ногами в стену... За весь срок заточения Мефодия в изоляторе не было минуты, которую бы он провел в спокойствии; теперь же за дверью изолятора стояла тишина.

Мертвая тишина.

Кимберли метнулась к смотровому окошку и едва не расплющила себе нос, припав к стеклу. Нехорошие предчувствия терзали ее и мгновенно выветрили из головы остатки сна.

То, что увидела Ким за сверхпрочным стеклом, одновременно обрадовало и напугало ее. От таких противоречивых чувств девушка растерялась. Ей захотелось кричать, но вот от чего – от радости или от испуга, – опять непонятно...

Естественно, Мефодий никуда из изолятора не делся и, к великой радости Ким, не умер. Но он и не спал, что могло также объяснить его спокойное состояние. Скрестив ноги в позе Будды и сложив руки на животе, Мефодий сидел напротив двери, и во взоре его было такое умиротворение, какого Ким еще ни разу не видела. Взгляд проверенного, мягкий и одновременно цепкий, как тонкая капроновая сеть, парализовал Кимберли на месте. Разорванная смиренная рубашка валялась у его ног, будто побежденный участником первого Проекта Самсоном лев.

– Я в полном порядке, – прошептал одними губами Мефодий, но Кимберли тем не менее прекрасно его расслышала. – Выпускай меня.

В ответ Кимберли лишь молча помотала головой.

Неудержимое желание броситься к пришедшему в себя другу не позволило Ким забыть о данном ей приказе. Приказ этот предписывал сначала доложить о любых изменениях самочувствия подопытного зрителям, а только потом предпринимать какие-либо действия. Но прежде чем броситься на поиски Бегущего Бизона, Кимберли все-таки не удержалась и наградила Мефодия через стекло воздушным поцелуем – пусть скупым, но зато самым искренним подарком.

Смотрители Бегущий Бизон и Сатана кружили вокруг подопытного словно пара акул возле упавшего в воду рыбака. Складывалось впечатление, что зрители опасаются стоящего перед ними исполнителя, еще несколько часов назад метавшегося в безумстве, а теперь непоколебимого как скала.

– Предварительная проверка всех систем организма, включая головной мозг, никаких аномалий не выявляет, – проинформировал Сатану Бегущий Бизон. – Что по вашим наблюдениям?

– Аналогично, – подтвердил Сатана. – Остатки старого адреналина несущественны и продолжают активно видоизменяться. Думаю, через шесть-семь часов я не обнаружу их вовсе.

– Вы наблюдаете повышенную скорость отклика головного мозга подопытного на телепатические запросы?

– Да, это действительно не имеющая аналогов скорость телепатической связи с исполнителем! Связь устойчивая, и сигнал отзыва отчетлив! Я бы даже сказал, что параметры телепатической связи с этим исполнителем вплотную подходят к стандарту «зритель – зритель».

– Теперь мы сможем контролировать его на расстоянии в полтора раза большем, чем раньше.

– А ну-ка, мой специальный тест... – Сатана приблизился к Мефодию, некоторое время стоял, глядя мимо него, а затем ни с того ни с сего залепил подопытному звонкую пощечину.

Мефодий знал, что получит от Сатаны пощечину, еще тогда, когда ладонь зрителя начала движение. Осознавая, что перехватить стремительную зрительскую руку он все равно не успеет, Мефодий лишь напрягся и встретил пощечину не пошатнувшись и не изменившись в лице.

Перед глазами замелькали искры, во рту появился привкус крови – несмотря на малоактивный образ жизни Сатаны, удар у него был на диво крепок.

– Вы только гляньте: никакого гнева! – хохотнув, проговорил Сатана. – Неплохой самоконтроль. Вот лицемер, даже глазами не блеснул! А если еще одну?..

– Прекратите, зритель Сатана! – разнесся под сводами зала голос Гавриила, экстренно вызванного сюда Ким с заседания Совета зрителей. – Ваши тесты по отношению к подчиненным негуманны... Хотя, конечно, не лишены объективности. Предварительная проверка?

– Завершена! – отрапортовал Бегущий Бизон. – Итоги позитивные!

– Тогда немедленно на тестирование. И никаких поблажек, даже микроскопических!..

Сегодня Бегущий Бизон погнал Мефодия на пробежку другим маршрутом – тем, который они раньше никогда не проходили.

Особенности старого маршрута Ятаганов зазубрил наизусть – все трещины, провалы, преграждающие путь скалы. И пусть Бегущий Бизон не заставлял подопытного бегать с закрытыми глазами, исполнитель прикинул, что если бы постарался, то через десяток тренировок мог бы пробежать всю дистанцию вслепую. Вот и на этот раз проверенный привычно двинулся

было на восток, но Бегущий Бизон грозным окриком остановил его и указал в сторону возвышающихся на северо-западе скальных хребтов.

Мефодий чувствовал себя на редкость бодрым, словно всю прошедшую неделю не метался в бешенстве, а преспокойно спал сном праведника. Слабая головная боль не мешала Мефодию наслаждаться окружающей природой, по-северному мрачной, но все равно куда более привлекательной, нежели опостылевшие интерьеры подземелья.

Ветер утих, как будто сделал одолжение лучшему другу, с которым за прошедшие месяцы пронесся бок о бок не одну тысячу километров. Полная луна озаряла окрестности, и заметенные снегом пространства просматривались до горизонта. Снег поскрипывал под ботинками, дыхание было ровным, и, если не обращать внимания на левитировавшего над головой Бегущего Бизона, то и дело понукавшего подопытного телепатическими командами, ничто не отвлекало Мефодия от созерцания гренландских красот.

Бег по ровной поверхности не продемонстрировал никаких новых возможностей подопытного – хорошая исполнительская скорость, – однако ведь не зря Бегущий Бизон поменял ему маршрут. Причина этого стала ясна сразу, как только исполнитель достиг каменистого, высотой с десятиэтажный дом, скального хребта. Отвесные склоны хребта с намерзшими на них сосульками и снеговыми шапками стеной преградили дорогу, своим грозным видом намекая проверенному о поиске обходных путей. Возможно, неприступность хребта намекала о подобном и Бегущему Бизону, но тот, как выяснилось, намеки отказывался понимать категорически, хотя, по утверждению некоторых антропологов, индейцы, как никакие другие народности, понимают язык живой и неживой природы.

– Ставлю задачу! – прокричал шайен, взлетев на вершину хребта. – Через минуту ты должен стоять по другую сторону этой гряды! Я не связываю тебя в действиях – можешь лезть на гору, а можешь бежать в обход. Решай сам!

Безусловно, Мефодий слышал изречение, что умные в гору не ходят. Однако данный тест определял наличие не ума, а как раз того, для чего ум, согласно другому известному изречению, не требовался. Этот летающий краснокожий остряк явно пошутил насчет выбора средств – бег в обход отнял бы у исполнителя не минуту, а как минимум полдня. Так что на самом деле выбора не было, а время, отпущенное зрителем на выполнение задачи, уходило...

Яростный бросок Мефодия на отвесный склон был сродни тому, который много лет назад совершил на Военно-Грузинской дороге некий отец Федор, когда стащил колбасу у двух зазевавшихся концессионеров и спасался от их справедливого возмездия. И отца Федора, и исполнителя гнал в гору повышенный выброс адреналина, вот только у первого он был вызван страхом за свою шкуру, а второй впрыснул адреналин себе в кровь усилием воли.

Только сейчас Мефодий почувствовал, что означает образное выражение «кровь кипела». Кровь его и вправду бешено носилась по всем кругам кровообращения, сердце стучало клапанами быстрее бензонасоса гоночного автомобиля, а головной мозг, получивший повышенную порцию кислорода, едва не загудел от избытка выдаваемых конечностям команд. Конечности, в свою очередь, заработали так, что одежда на проверенном затрещала по швам.

Время для Мефодия стало ощутимо едва ли не физически и практически остановилось. Окружающее пространство превратилось в тоннель с вершиной хребта на противоположном конце – цель, на достижение которой осталось всего пятьдесят секунд. Пальцы упирались в выступы, а если вместо выступов попадалась щель – вгрызались в нее будто альпеншток. Ноги касались камней лишь на мгновение, толкали тело вверх и тут же в прыжке ловили носками ботинок новую точку опоры.

Выскочил из-под ботинка и с грохотом сорвался вниз камень...

Плывать, при необходимости Мефодий может обойтись и без помощи ног, было бы только за что зацепиться пальцам!..

Вперед – и не бояться высоты!

Высоты?! Бояться?.. Даже сорвись подопытный со склона, у него всегда будет время сгруппироваться и безопасно приземлиться в глубокий снег, ведь падение с хребта займет секунд пять – лишь в два раза меньше того срока, за который Мефодий преодолел склон и очутился на вершине.

Пять секунд! Ты прав, Эйнштейн, иногда это действительно вечность...

Спускался со скалы Мефодий в два приема: сначала сиганул подобно архару на широкий выступ посередине склона, а затем с него – на землю. Внутреннее чутье подсказывало исполнителю, что отведенная ему минута еще не истекла.

Бегущий Бизон слетел с вершины, ступил на землю и принялся вышагивать туда-сюда перед замершим в стойке Мефодием. Смотритель сосредоточенно о чем-то размышлял, ухмыляясь при этом.

– Очень впечатляюще, – наконец заговорил он. – Признаться, я приятно поражен: такие темпы!..

Мефодий ощутил скрытое злорадство: похоже, он сумел-таки утереть вечному придирищику его огромный индейский нос! Но немое ликование проявилось в мыслях подопытного столь сильно, что шайен ощутил его даже несмотря на то, что был погружен в собственные раздумья.

Ошибка Мефодием была допущена непростительная. Бегущий Бизон поднял взгляд, нахмурился и покачал головой.

– Рановато пока радоваться, – произнес он, снова отрываясь от земли и взлетая на вершину хребта. – Сейчас результаты следует закрепить и, по возможности, улучшить. Мое упущение – я дал тебе заниженный норматив. Думаю, для твоей нынешней физической формы он лежит в пределах... тридцати секунд! Ну, что стоишь? Время пошло!..

Мефодий нутром чувствовал, что его посещение полигона 214, или так называемого Колизея, было тогда не последним. Подозрения подтвердились ровно через две недели после возвращения подопытного в строй, две недели, за которые он стер до кровавых мозолей пальцы рук, излазив все горы в окрестностях штаб-квартиры Совета. А троп в снегу он протоптал столько, что впору было какому-нибудь разведывательному спутнику заставить своих хозяев задуматься о таинственной активности гренландских эскимосов, бегающих кругами по леднику непонятно с какими целями. Но мировые разведки, к счастью, безлюдными голыми ландшафтами Гренландии не интересовались.

Во второй раз подопытный вышел на полигон гораздо увереннее. Вообще, уверенность в собственных силах теперь не оставляла Мефодия. Это была странная уверенность: если раньше, к примеру, перед лицом опасности исполнитель испытывал вполне объяснимое волнение, то сегодня, едва наставники подбрасывали ему сложную задачу, не волнение, а, наоборот, полное спокойствие овладевало Мефодием, после чего он начинал действовать совершенно не задумываясь. Фильтры подавления эмоций – старые помощники в форсмажорных обстоятельствах – теперь остались не у дел, занимая отведенные им участки головного мозга бесполезным балластом. Похоже, что «наука побеждать по Бегущему Бизону» – через сверхсилу к полному спокойствию, через полное спокойствие к полной победе – была не просто теорией...

Мефодий не стал жаться в угол как в прошлый раз, а вышел на центр зала, встал спокойно и устремил взгляд вверх – туда, где на смотровой площадке снова собрались свидетели прошлого мордобоя (правда, если начистоту, то по-настоящему битой в нем оказалась лишь одна морда). На первый взгляд самоуверенность господина Ятаганова смотрелась обычным гонором, недозволительным при его годовалом сроке службы, однако все присутствующие в Колизее знали, что за этой самоуверенностью скрывается.

– Что ж, проверенный исполнитель Мефодий, мы рады приветствовать тебя на заключительном этапе тестирования твоих новых качеств, – произнес со смотровой площадки Гавриил.

– Заключительном? – не поверил собственным ушам Мефодий. – Меня же уверяли, что я увижу свою смерть прежде, чем эксперименты закончатся?

– На данный момент твой мозг работает на сто восемьдесят процентов мощнее, чем до участия в Проекте. Работает даже стабильнее, чем мы рассчитывали. Дальнейшие эксперименты, как все мы единогласно решили, пока нецелесообразны – головной мозг все-таки живая ткань, и за полгода опытов он успел подустать. А чрезмерная усталость ведет к регрессу, который ни нам, ни тебе не нужен. Однако кто тебе сказал, что ты не увидишь собственную смерть?

– Значит, все-таки увижу... – вздохнул Мефодий. – И когда?

Смотрители заговорщически переглянулись, и на лицах их появилась угрюмая серьезность, которую проверенный счел дурным знаком. «Похоже, – подумал Мефодий, – у старичков для меня нехороший сюрприз. Ну что ж, видели мы их сюрпризы, посмотрим и на этот...»

Первым, по традиции, появился Мигель, которого считать сюрпризом, разумеется, было нельзя, а следовало воспринимать как обычную разминку перед предстоящим избиением. А то, что сегодня опять ожидается избиение, Мефодий не сомневался: обещали показать его собственную смерть – покажут; смотрители свое слово держат.

Мигель был серьезен и предельно сосредоточен. Он уже не бросался высокопарными словами о поиске Истины, а просто молча вышел в центр Колизея и кивнул ученику, предлагая начать поединок. Мефодий знал, что таким молчаливым его наставник бывает лишь в минуты крайней важности и растормошить его сейчас для разговора невозможно. Потому пришлось так же безмолвно отвечать на брошенный вызов.

Словно стремясь побыстрее завершить поединок, Мигель не стал дожидаться атаки подопытного, а ринулся на него сам, причем ринулся с поистине боевой свирепостью. Останься Мефодий на месте, мастер наверняка растерзал бы его на куски и разметал по Колизею. Ноги Мигеля пропеллерами рубили воздух, а кулаки с частотой отбойных молотков рассекали окружающее пространство...

Однако рубили и рассекали именно воздух и пространство, а не тело противника. Ловко маневрируя, Мефодий уходил от ударов инструктора за долю секунды до того, как они его настигали. Было в этом нечто завораживающее: подопытный не выполнял никаких атакующих действий – только нырки да уходы, – а мастер со всем своим богатым рукопашным арсеналом превратился в бесполезное демонстрационное оружие, предназначенное лишь для тренировки, но не для реального боя.

Для разнообразия Мефодий толкнул Мигеля легонько ногой в грудь, отчего мастер совершил точно такое же эффектное падение, какое месяц с небольшим назад здесь неоднократно показывал сам проверенный.

Позорно пропущенный удар от вчерашнего новобранца ввел Мигеля в еще большую ярость. Похоже, теперь наставник на полном серьезе вознамерился прикончить своего ученика. Темп ударов мастера возрастал, и уже Мефодию стало тяжело ограничиваться только защитой. Пришлось контратаковать, причем контратаковать так же свирепо, как и Мигель.

Мефодий по-человечески жалел постоянно сбиваемого с ног наставника и друга – терпеть прилюдное унижение было для опытного мастера явно в новинку. Однако ничего с собой поделывать проверенный не мог. Сейчас он действовал так, как умел, и если со стороны все это выглядело неуважительно к «сединам учителя», что ж... Ведь именно этого безжалостного хладнокровия смотрители и Мигель от подопытного и добивались.

Пол в Колизее начал видоизменяться в самый разгар боя. Как в прошлый раз, кругом вздыбились холмы, а впадины между ними заполнились ледяной водой. Также без предупреждения в бой вступили свежие силы в лице мастеров комендантского гарнизона, вот только теперь их вышло не двое, а сразу четверо. На лице Мигеля заиграла злорадная ухмылка: наглый выскочка, которому сегодня повезло в схватке один на один, сейчас узнает, что везение его отнюдь не беспредельно...

Пятерых противников, причем не рядовых исполнителей, а профессионалов экстра-класса, можно было с чистой совестью считать той самой обещанной подопытному кончиной. Пять черных «молний» метнулись к Мефодию, и ни одна из них не могла промахнуться даже гипотетически. Однако спасибо Мигелю – он сумел подготовить проверенного к усложнению обстановки, своей повышенной агрессией задав подопытному нужный боевой настрой.

Паника в Мефодии умерла, не успев родиться, поскольку дополнительная порция смотрительского адреналина расставила все по местам. Глаза новобранца четко зафиксировали пять идущих на сближение «молний», а мозг мгновенно отдал приказ телу уйти с линии атаки, заставив подопытного подпрыгнуть почти до уровня смотровой площадки.

Одна за другой «молнии» ударили в пустое место...

Теперь Мефодий держал мастеров под неусыпным контролем. Мигель и «коменданты» скупились – на грамотное окружение стремительного противника они не имели времени – и кинулись на Мефодия одновременно, пытаясь смять защиту проверенного совместным бешеным натиском. Не раздумывая, подопытный бросился им навстречу, но не в центр атакующей группы, а во фланг, который удерживал один из «комендантов».

Круговой удар ногой в прыжке – тот самый, от которого раньше лениво уклонялся Мигель, – сегодня производился Мефодием со скоростью лопнувшего стального троса и убийную силу имел соответствующую. Нападавший, на которого обрушился удар, врезался в группу остальных мастеров и раскидал их по Колизею словно кегли. Двоим из «комендантов» подняться на ноги подопытный уже не позволил, оглушив их нечестным, но в его положении простительным ударом в затылок.

Двое боеспособных «комендантов» и наставник не стали разлеживаться в холодной воде и, оценив ситуацию, тут же рассеялись по Колизею. Они явно вынуждали Мефодия пуститься в погоню за одним из них и повернуться спиной к остальным – тактика, которая ранее применялась исполнителями в схватках с наиболее сильными Циклопами, Бриареями и Сатирами.

Мефодий сделал вид, что поддался на их уловку, и набросился на ближайшего «коменданта». Проверенный не уповал на удачу, он делал ставку прежде всего на скорость, которая у него была гораздо выше, чем у любого из мастеров. Так что, когда Мигель и оставшийся «комендант» подбежали к дерущимся, противник Мефодия уже без сознания сползал по стене, а подопытный встретил новоприбывших каскадом сокрушительных контратак.

Двое мастеров продержались ровно столько времени, сколько Мефодий подарил им из уважения. Чтобы хоть немного сгладить неловкость перед Мигелем, подопытный намеренно пропустил несколько его ударов. Когда же на лице наставника появилась довольная улыбка, ученик перестал поддаваться, послал в нокаут последнего «коменданта», а самого инструктора намертво скрутил удушающим захватом прямо посреди лужи. Голова Мигеля торчала над водой, а слова, что вместе с брызгами вылетали из его рта, только с большой натяжкой можно было принять за напутствие побежденного учителя победившему ученику...

– Двадцать две секунды, – бесстрастно подвел смотритель Йошида результаты теста. – В среднем по четыре целых четыре десятых секунды на одного мастера. – И обратился к Главе Совета: – Прикажете начать последнее испытание?

Гавриил колебался. Взгляды Бегущего Бизона, Сатаны и Йошиды были направлены на него, однако принять решение, которое могло привести подопытного к гибели и перечеркнуть результаты полугодового Проекта, Главе Совета было не так-то легко. Ему не раз приходилось посылать исполнителей на верную смерть, но никогда колебания его не были столь мучительными.

– Ничего подобного у нас пока еще не было, – проговорил Глава Совета, отрешенно наблюдая за переводившим дух Мефодием. – Никто из исполнителей без слэйеров не выходил живым из таких переделок. Вы понимаете, что смерть этого перспективного проверенного будет целиком и полностью лежать на нашей совести?

Разумеется, все понимали. Даже ярый ненавистник землекопов и просвещенных исполнителей Сатана молчал, жалея, правда, не столько подопытного, сколько потраченное на него драгоценное время.

– Ради осуществления нашего эксперимента в Норвегии уже погибли двое исполнителей, – произнес Гавриил. – Но они выполнили возложенную на них задачу – материал для тестов доставлен первоклассный. И отмена эксперимента была бы неуважением к погибшим... Смотритель Бегущий Бизон, приступайте к испытанию! Поглядим, есть ли все-таки у нашего добровольца предел прочности...

Этот душераздирающий вопль запомнился Мефодию еще со дня их знаменательного контрудара по юпитерианцам в Нью-Йорке. Тогда под сводами зала Генеральной Ассамблеи ООН боевой клич атакующих Сатиров заставлял новобранца крепче сжимать рукояти слэйеров и надеяться на то, что собратья по оружию успеют прикрыть его спину.

Теперь, когда руки Ятаганова были пусты и никто из собратьев не стоял с ним плечом к плечу, клич Сатиров паническим ужасом пронизывал душу проверенного, проникал в его тело, леденил кровь и вгрызался в костный мозг. А то, что это был именно клич Сатиров, а не слуховая галлюцинация, Мефодия убеждать не требовалось.

Судя по спокойной реакции зрителей на жуткие звуки, для них присутствие Сатира в подземелье штаб-квартиры сюрпризом не являлось. А раз так, рассудил Мефодий, значит, это не проникший сюда диверсант или вторжение юпитерианцев; значит, все вполне закономерно. И следовательно, особо переживать не стоит – скоро картина прояснится сама собой.

Вот только хотелось ли Мефодию знать все до конца? Слишком траурно выглядели лица взирающих сверху зрителей, и слишком сильно напоминали они идущих за гробом товарищей усопшего, провожающих в последний путь...

...его, просвещенного исполнителя Мефодия Ятаганова!

Сатир был запущен в Колизей через главный шлюз, предназначение которого наконец-то открылось Мефодию: видимо, раньше, во времена Хозяина, первых исполнителей частенько стравливали с дикими зверями. Окинув Колизей лютым взглядом исподлобья, Сатир потоптался у ворот шлюза, но, увидев, что те закрываются, взвизгнул и ринулся обратно.

И тут же заметил замершего возле стены Мефодия. Ноздри Сатира расширились, он шумно засопел и, вновь издав мерзкий вопль, бросился на единственного находившегося здесь землянина. Обозленный заточением, Сатир жаждал вражеской крови.

Сатиров нельзя было считать полноценными юпитерианцами, такими, как Повелитель Юпитер, Нептун, Аид, Афродита и прочие из высшего сословия. Поэтому представители клана Сатиров служили Юпитеру пушечным мясом. Способностью к левитации они практически не обладали, в их силах было только опуститься на планету и стартовать обратно в Космос. Гравитудар, основное оружие высших представителей как Человечества, так и небожителей, тоже был Сатирам недоступен. Если провести условную сравнительную шкалу, их следовало расположить на ней где-то между исполнителями и зрителями, чуть ближе к последним. Так что превосходство в бою исполнителей над Сатирами всегда достигалось при помощи люциферумовых слэйеров. Исход кулачного поединка исполнителя с Сатиром был предопределен еще до начала схватки и ничего, кроме гибели, человеку не сулил.

Наконец-то Мефодий узрел лик обещанной ему смерти! Безусловно, хотелось бы видеть ее несколько более привлекательной, однако выбора подопытному не оставили.

Хотя нет, выбирать, как ни крути, придется: либо окончательно пасть духом и дать Сатиру удавить себя, словно слепого котенка, либо, подобно юпитерианцу, впасть в боевое безумие и биться до последнего вздоха, который, очевидно, уже не так далек.

Первый вариант был проще и быстрее; второй даровал шанс уйти из жизни красиво. Мефодий, как бывший служитель искусства, а следовательно, человек, не чуждый прекрас-

ному, выбрал последнее. Старый лозунг «Красота требует жертв» обрел для проверенного буквальный смысл.

На адреналиновую дозу Мефодий не поскупился и впрыснул себе зараз столько, сколько вообще было допустимо. Тело тряхнуло так, что, сам того не желая, исполнитель подпрыгнул едва ли не под потолок Колизея. Сатир, видимо, посчитал, что землянин ударился в бегство, и сиганул следом за ним, стараясь в прыжке дотянуться до его шеи своей длиннопалой клешней.

Мефодий инстинктивно вжал голову в плечи, ловко перехватил Сатира за запястье и, крутанув ему руку, что было сил саданул каблуком по ребрам юпитерианца. Раздался глухой хруст, будто кто-то разгрыз кусок рафинада.

Так и грохнулись они из-под потолка на камни: вцепившийся в Сатира Мефодий на спину, визжащий юпитерианец на живот...

Сатир, для которого удар исполнителя оказался малочувствительным, очнулся от жесткого падения первым и, вырвав руку из захвата, вскочил с пола. Мефодий последовал за ним. Адреналиновая сверхдоза не позволила ему ощутить ни боли, ни сотрясения, однако прыткий Сатир умудрился-таки отыграть у него полсекунды. Поэтому не успел еще проверенный принять вертикальное положение, а юпитерианец уже бил его головой в живот словно бодающийся баран.

Однажды, во время учебы в университете, Мефодия сбил на перекрестке грузовик, но и тот не таранил его с такой беспощадностью. Согнувшись пополам и ощущая, как его кишки спутываются в огромный узел, исполнитель совершил в воздухе переворот, после чего, задрав ноги, шлепнулся спиной в глубокую лужу. Брызги фонтаном ударили вверх и долетели даже до смотровой площадки.

Несмотря на невероятную силу и верткость Сатира, тактика его в целом была предсказуема: прежде всего он стремился дотянуться до головы противника и свернуть ему шею, а если повезет, то и оторвать саму голову. Мефодию довелось насмотреться на безжалостную манеру боя Сатиров при штурме Генеральной Ассамблеи, и он имел представление, чего следует ожидать от этого врага прежде всего. Сатир, однако, тоже сумел оценить доставшегося ему стремительного противника и понял, что обезглавить его можно, только лишив подвижности.

Сбитый с ног и схваченный Сатиром посреди лужи, Мефодий захлебывался водой и едва успевал отбиваться от насевшего сверху врага. Длинные руки юпитерианца лупили исполнителя по голове, но техникой нокаутующего удара небожитель не владел и потому, как ни старался, оглушить своими пощечинами противника не мог. Впрочем, к нокауту Сатир не стремился – сейчас для него куда важнее было смять оборону подопытного и провести свой коронный обезглавливающий прием.

Сатир храпел и повизгивал, брызжа розовой слюной. Скинуть с себя врага Мефодию было трудно не потому, что юпитерианец много весил, а потому, что стоило лишь на миг отвлечься, как пальцы небожителя тут же сомкнутся на шее землянина. Но остановить эту бесконечную и безрезультатную возню все-таки требовалось...

Кое-как зацепившись каблуками за камни, Мефодий резко оттолкнулся и с полметра проехал по скользкому дну лужи на спине. Этого отчаянного рывка хватило на то, чтобы упершийся ему коленом в грудь Сатир потерял равновесие и пошатнулся. Юпитерианец выпустил шею исполнителя и замахал руками, стараясь удержать равновесие.

Мефодий вложил в удар все свое стремление к жизни, которая уже готова была ускользнуть от него. Целил он Сатиру точно в солнечное сплетение, поскольку помнил, что каких-либо существенных различий земное обличье небожителей и человеческий организм не имеют.

Снова внутри Сатира что-то хрустнуло, на этот раз гораздо отчетливее и громче. Юпитерианец пошатнулся, но устоял и хотел было опять придавить Мефодия к полу, однако следующий, еще более мощный удар исполнителя в то же самое место уложил врага на лопатки.

Звонящий гул заполнил голову Мефодия, а перед глазами стояло только свирепое лицо распластавшегося перед ним Сатира. И еще мелькали собственные кулаки, бьющие в это мерзкое лицо и будто не чувствующие, что скулы и лоб юпитерианца имеют чудовищную крепость. Крепость камня, о который периодически со стуком бился вражеский затылок...

Кровь с разбитой при падении головы Мефодия струями стекала Сатиру на лицо и сразу размазывалась по нему исполнительскими кулаками. Казалось, что кровь эта искрится электричеством от переполняющего ее адреналина. А может, и не казалось – по крайней мере, проверенный чувствовал, что по венам его сейчас течет не кровь, а натуральная гремучая смесь, что-то наподобие нитроглицерина. Смесь эта превращала кулаки в кузнечные молоты, рвала на части мозг, сотрясала тело и напрочь лишала Мефодия ощущения реальности и времени.

Ослепленный жадой убийства – ранее абсолютно незнакомой, но тем не менее оказавшейся вполне понятной и естественной, – Мефодий не заметил, что хищные глаза юпитерианца потухли, а на разбитом лице застыл мертвый оскал. Исцарапанные скалолазанием, а теперь покрывшиеся полосками изорванной кожи, кулаки исполнителя тем не менее продолжали без остановки бить в эти глаза и оскал, словно подопытный на полном серьезе вознамерился размазать голову врага по граниту.

Мефодий не сразу сообразил, что его оторвали от мертвого Сатира и теперь волокут к шлюзовому отсеку. Подопытный стал вырываться, брызгать слюной и хрипеть, силясь освободиться и довершить уничтожение заклятого врага, который, по его мнению, не мог просто взять и умереть от обыкновенных исполнительских тумачков. Сатиру еще необходимо было растоптать грудную клетку, перебить хребет, разможить суставы рук и ног, а в довершение проделывать то, что сам Сатир любил проделывать со своими жертвами, – свернуть шею и оторвать голову... Мефодию не дали довершить расправу, и это казалось ему откровенным саботажем, в чем он попытался обвинить волочивших его в шлюз смотрителей и Мигеля. Однако те ко всем обвинениям подопытного были глухи...

Ворота шлюза почти закрылись, когда сквозь щель в глаза Мефодию сверкнула ослепительная вспышка. Тело Сатира только что самокремировалось, испарившись в голубом пламени и оставив после себя облачко пепла.

– Вот вам и салют в честь завершения Проекта! – долетел до ушей Мефодия возбужденный голос Мигеля. Слово «завершение» застыло в голове подопытного, а сам он – бывший проверенный, а ныне вообще неизвестно какого рода-племени – провалился в небытие, оказавшееся обыкновенным сном, что наступил вследствие глубокой физической и моральной усталости.

– Садись, не маячь, – приказал Глава Совета Мигелю. – А то стоишь, будто за дисциплинарным взысканием пожаловал... Сколько там, говоришь, их у тебя уже накопилось?

– Двенадцать, – сказал Мигель, усаживаясь на стул. – Из них половина заработана под вашим непосредственным командованием.

– Мастер Мигель у меня ярый защитник прав жестоко дискриминируемых нами просвещенных исполнителей, – пояснил Гавриил находившимся в зале участникам Проекта: зрителям Йошиде, Бегущему Бизону и Сатане. – При случае любит попрекать меня этой дискриминацией, но все время попадает под горячую руку, за что сам потом и страдает.

– Ишь ты какой! – недовольно пробурчал Сатана, однако без злости, скорее просто по привычке. – Дискриминация просвещенных!.. А как с ними изволите обращаться без дискриминации? Дай волю мерзавцам – на шею сядут.

За круглым столом зала Совета собрались те, кто присутствовал здесь при воскрешении Проекта «Самсон». Не было среди них только главного действующего лица нового Проекта – исполнителя Мефодия. Он не явился на собрание по уважительной причине: смотритель Сатана поместил его в восстановительную камеру, посадив присматривать за ним верную

подругу Кимберли. Находясь в режиме глубокого сна, организм бывшего подопытного проходил тщательную проверку, и все травмированные ударами Сатира органы постепенно восстанавливались.

Смотрители и Мигель тоже чувствовали усталость, но не физическую, а ту, что обычно приходит, когда длительное и сомнительное мероприятие наконец-то подходит к концу.

– Что ж, побить Сатира – это, согласитесь, не порвать пасть льву, которого натравливали на Самсона, – сказал Бегущий Бизон. – Со львом ныне любой мастер голыми руками справится, а вот с Сатиром!..

– И это после победы в схватке с пятью мастерами! – добавил Гавриил.

– А я ведь нарочно выставил на эту схватку лучших мастеров, – пробурчал Сатана. – Приходится признать, что подопытный и впрямь оказался на редкость удачным продуктом экспериментов!

– Жаль, смотритель Джейкоб не дожил, – вздохнул Гавриил. – Он бы тоже порадовался нашим результатам...

Почтив память смотрителя Джейкоба, погибшего в прошлом году в Нью-Йорке предыдущего Главы Совета, все немного помолчали.

– Как будет называться категория нового исполнителя? – нарушил молчание Бегущий Бизон.

– Что? – встрепнулся притихший Гавриил. – Категория?

– Думаю, отныне нет смысла скрывать, что нами произведена на свет совершенно отличная от остальных разновидность исполнителя, – пояснил свой вопрос шайен. – Проверенным его больше не назовешь – по показателям он намного перерос мастера...

Из угла раздался тяжелый вздох Мигеля, не отмеченного никакими высшими знаками, а потому обреченного тащить мастерскую лямку пожизненно, уже без каких-либо надежд на повышение. Тот предел исполнительской карьеры, почетную категорию мастер, к которому Мигель карабкался в течение пяти веков, его молодой приятель Мефодий достиг и перешагнул за год.

– Это верно, – согласился Гавриил. – Если в дальнейшем ставить Проект на постоянную основу, нужна специальная классификация для нового человеческого варианта три. Есть предложения?

– Строптивец! – не раздумывая выпалил Сатана. – Вечно пререкается с командованием, вечно недоволен и стремится все сделать по-своему! – И, перехватив укоризненные взгляды смотрителей, ненавязчиво напомнивших ему, кто здесь настоящий строптивец, проворчал: – Ничего смешного не вижу.

Как более дисциплинированные подчиненные, смотрители Бегущий Бизон и Йошида доверили выбор названия новой категории исполнителя Главе Совета.

– Хорошо, тогда я поступлю следующим образом, – заявил Гавриил и обернулся к сидящему за его спиной Мигелю: – Что сейчас предложит нам этот мастер, такую категорию мы исполнителю Мефодию и присвоим. К тому же как член Проекта исполнитель Мигель имеет полное право на участие в конкурсе.

Предложение оставить свой след в истории приунывшему было Мигелю здорово польстило. Под понятие «дискриминация просвещенных» такой поступок Гавриила точно не подпадал.

– Спасибо за оказанную честь, – поблагодарил Мигель и, дабы подчеркнуть важность момента, даже поднялся со стула. – Вы знаете... хм... вчера у меня, как и у вас, тоже был незабываемый день – мне надавал по шее человек, которого при обычных обстоятельствах звали бы новобранец. А самое обидное, что реванша я у него, видимо, не возьму уже никогда... Так что, смотритель Гавриил, присвойте ему категорию акселерат – пусть исполнитель Мефодий всю оставшуюся жизнь помнит, кто он такой в действительности...

– Не обидно ли будет звучать – акселерат? – поморщился Гавриил. – Вообще-то я надеялся на что-нибудь типа сверхмастер или эксперт... Ну да ладно – акселерат так акселерат; да и чего от такого циника, как ты, можно было еще ожидать?

Довольно улыбаясь, Мигель опустился на стул. Хотя за один свой вчерашний синяк он с нахальным акселератом похвтался! Ишь ты, захотели: сверхмастер, эксперт!.. Скажите спасибо, что не выскочкой Мефодия окрестил или еще как-нибудь...

– Так, значит, вы твердо решили отправить нашего акселерата на практику в Ниццу? – напомнил Бегущий Бизон Гавриилу об их недавнем разговоре, что состоялся после возвращения Главы Совета из командировки.

– Да, и это обсуждению не подлежит, – подтвердил Гавриил. – Смотритель Пенелопа оказалась права: ее команда действительно выявила еще одного отмеченного знаком Хозяина уника. Однако с его доставкой в Гренландию может возникнуть ряд проблем.

– Проблем? Тогда не лучше ли будет провести деблокировку мозга кандидата прямо на месте?

Гавриил категорично помотал головой.

– Нельзя! Когда я расскажу вам, как проявился этот землекоп, вы меня единогласно поддержите – только срочная эвакуация из Европы сюда! Однако не в этом главная причина моей спешки. Деблокировка на месте невозможна потому, что недавно до нашего кандидата добрались юпитерианцы, и сейчас им вплотную занимается рефлеззианский спецотдел Сюртэ².

– И вы планируете вырвать у них кандидата при помощи акселерата?!

– А для чего же мы тогда потратили здесь полгода?..

² Сюртэ – французская криминальная и тайная полиция, аналог ЦРУ и британского Ми-6.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАБОТА НЕИЗВЕСТНОГО МАСТЕРА

*Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!*
М. Ю. Лермонтов. «Бородино»

Полковник Сергей Васильевич Мотыльков недолюбливал миротворцев Вселенной, хотя на самом деле ему грех было упрекать в чем-то братьев по разуму, спасших Землю от рефлезиианского корабля-агрессора осенью прошлого года. Ведь именно благодаря миротворцам полковник получил долгожданное повышение и приколот себе на погон третью звезду, с честью выполнив задачу на посту командира милицейского СОБРа и не допустив в родном Староболотинске хаоса во время прошлогодней всепланетной истерии.

И все равно, нелюбовь полковника к миротворцам была стойкой и по вполне понятным далее причинам скрытной.

Щеголять новенькой формой и погонами сегодня приходилось редко – вместе с ожидаемым повышением Мотыльков заработал непредвиденный перевод из СОБРа в недавно организованную Службу Обнаружения и Дезактивации Инопланетных Резидентов, или СОДИР. А работать в СОДИР приходилось как в контрразведке – то бишь в гражданской одежде.

Благодаря впечатляющему послужному списку полковник сразу был назначен на должность руководителя регионального отдела. Но, прослужив некоторое время, он понял, что ни черта не смыслит во всех этих, как он любил говаривать, «паранормальных делишках». Работа не клеилась. Вдобавок присланные ему в подмогу оперативники-миротворцы могли разве что указывать и огрызаться, но не помогать и разъяснять.

«Как вообще представители высшей космической расы могут иметь такие узкие лбы и столь прямолинейное мышление?» – недоумевал полковник, глядя на похожих, словно одной яйцевые близнецы, длинноруких миротворцев, которых к его отделу прикрепили аж пятерых. Более или менее сносно можно было общаться только со старшим их группы, да и тот смотрел на Мотылькова, как сам полковник на дрессированных животных в цирке – то есть со снисходительным интересом, но никак не с уважением.

– Ничего страшного, Сергей Васильевич, – заметили Мотылькову на его сетования в штабе. – Инопланетный рефлезиианский шпионаж для нас явление неисследованное. Поэтому не суетитесь, не переживайте. Осваивайтесь, вырабатывайте собственную стратегию с помощью наших новых друзей, и попутного вам ветра...

За неимением опыта контррефлезиианской деятельности работать в основном приходилось по старинке, с упором на старых, еще советской закалки осведомителей, которых предоставила СОДИР курирующая ее ФСБ.

Выискивали в первую очередь людей не скрытных, а, наоборот, ярко выделяющихся из простых обывателей: гадалок, колдунов, экстрасенсов, парапсихологов. Сам Мотыльков имел их шарлатанами, однако миротворцы уверяли, что как раз эти шарлатаны вербуются коварными рефлезиианцами в первую очередь. Попутно проверялись и перепроверялись все сомнительные фирмы и организации, чьи сотрудники поголовно имели спортивный вид; о том, что рефлезиианские боевики все как на подбор мастера спорта по боксу, прыжкам и фехтованию, содировцы были также проинструктированы.

За шесть месяцев кропотливой и довольно дурацкой деятельности (обыски у гадалок – не думал полковник Мотыльков, что докатится до такого на старости лет) были схвачены лишь

двое настоящих рефлезиянцев вместе с их странными складными мечами, которые увидеть раскрытыми сотрудниками СОДИР не довелось.

Однако радоваться успеху пришлось недолго: едва пойманные рефлезиянцы узрели перед собой миротворцев, как, не сговариваясь, пооткусывали себе языки и умерли от страшного кровотечения, так и не разомкнув рта, проглотив при этом собственную кровь и даже языки! С таким способом самоубийства Мотыльков никогда не сталкивался и потому двое суток ходил под впечатлением от увиденного.

А вот летающих и умеющих читать мысли рефлезиянцев отдел Мотылькова не изловил ни единого, хотя наводки на подобных типов имелись. По оперативным сводкам, приходящим со всего света, не удалось это также никому из заграничных коллег Мотылькова: ни Отделу Зеро ФБР, ни службе «Инвизибл» при Ми-6, ни созданной недавно МОССАДом группе «Тавера», ни французской бригаде «Ля Плейн Омбр» («Сумеречная Тень») при Сюртэ. Но считать «летунов» выдумкой не позволяли сделанные в Нью-Йорке видеозаписи, неоспоримо доказывающие, что данные рефлезиянские шпионы также обитают под боком у добропорядочных землян.

Все остальные стреноженные бойцами Мотылькова якобы рефлезиянские шпионы, к несчастью полковника – и безмерному счастью самих арестованных, – оказались стопроцентными людьми. Правда, кое-кто из них был все-таки опознан как уголовник, однако эти вполне пригодные для земного правосудия личности СОДИР статистику раскрываемости не улучшали.

Весной из Москвы в Староболотинск прибыли представители Главного управления СОДИР и большие «шишки» от миротворцев. Как ни стремился Мотыльков порадовать гостей успехами, ничего, кроме двух подавившихся собственными языками трупов, предъявить не удалось. Женщина-миротворец – не та, которой рефлезиянец отсек в Нью-Йорке руки, а другая, не столь очаровательная, но, по мнению полковника, тоже ничего – устроила разнос за нерасторопность пятерке своих подчиненных, что консультировали отдел Мотылькова, но о действиях староболотинского отдела в целом отзывалась положительно.

После отъезда делегации полковник был вызван в штаб, где до него довели следующий приказ:

– Товарищ полковник, согласно пожеланию наших друзей-миротворцев в июне этого года вы направляетесь на месячную стажировку во Францию в бригаду «Сумеречная Тень», которая пока что лидирует по количеству пойманных рефлезиянцев. Готовьте документы и начинайте передавать дела вашему заместителю...

Мотыльков тяжело вздохнул: в дальние командировки он любил ездить во главе вооруженного до зубов СОБРа, но никак не в одиночку. Но вскоре Сергей Васильевич смирился с неизбежным, тем более что во Франции он хотел побывать с того самого дня, как впервые увидел фильмы с Бельмондо и Делоном.

Смотрители Гавриил и Пенелопа сидели вместе с Мефодием за столиком маленького кафе в тени развесистых пальм, пили кофе и наслаждались прекрасным утром. Все трое молчали, словно перед этим договорились провести завтрак в полной тишине.

Мефодий намеренно не начинал разговор первым. Он знал, что дела от него все равно никуда не денутся, а еще раз посидеть вот так в тиши и покое, ни о чем не переживая и никуда не торопясь, в ближайшие дни вряд ли удастся. Так что, исполнитель, пользуйся выпавшим на твою долю краткосрочным отдыхом, пока тебе позволяют, означало это смотрительское молчание.

Господин Ятаганов и пользовался.

Информация о грядущем задании, которой владел исполнитель на данный момент, объясняла немного: предстояло эвакуировать очередного кандидата на деблокирование мозга, точно такого же «счастливец», каким чуть более года назад являлся сам Мефодий. Яснее

ясного, что термин «эвакуация» подразумевал не рядовую прогулку, а то, что придется действовать шустро и, вероятнее всего, с кодлой недоброжелателей на хвосте. Но этими деталями трудовых будней акселерат забудет свою голову позже, а сейчас...

Древняя Ницца, жемчужина Лазурного Берега, Французской Ривьеры! Согреваемая лучами жаркого солнца, мирно дремлешь ты на каменистых предгорьях Приморских Альп и слушаешь ласкающий твои берега прибой Средиземного моря. Тебя совершенно не интересует, что где-то есть холодные, продуваемые ураганными ветрами скалы Гренландии, которые месяцами не видят солнечного света и потому даже не дремлют, а спят вечным сном, не нарушаемым ни треском ледника, ни заунывным воем пурги. А значит, незачем тебе знать, как мечтал о твоих ярких живых красках (ну пусть не о твоих конкретно, но не в этом суть) бывший уличный портретист, а ныне мощное боевое оружие Совета смотрителей акселерат Мефодий Ятаганов, который едва не натер на глазах бельма от серости гренландских скал и смотрительских подземелий.

Когда сегодня утром Гавриил и Пенелопа – пожилая женщина-смотритель, но в такой же, как и Глава Совета, отменной физической форме – пригласили Мефодия прогуляться и позавтракать в одном из маленьких кафе, что облепили улочки Ниццы словно ракушки – сваи портовых причалов, акселерат поначалу предложил смотрителям отправиться на побережье: свежим воздухом подышать да на море поглазеть. Но Гавриил с Пенелопой почему-то привели Мефодия именно сюда, в кафе на Рю-де-Шато, где до моря было достаточно далеко. В довершение ко всему рядом с кафе располагался рыбный рынок, начисто лишаящий воздух так необходимой бывшему узнику подземелий чистоты. Ну да черт с ними, махнул рукой исполнитель, куда привели, туда привели, лишь бы назад в катакомбы не отправили.

Позавтракали, потом не спеша стали пить кофе. Уловив безмятежное настроение акселерата, Гавриил не торопился переходить к насущным проблемам, а великодушно давал подчиненному время адаптироваться к непривычным условиям.

Мефодий непроизвольно отметил, что, чем больше он узнает Главу Совета, тем больше замечает в нем простых человеческих качеств. Кто бы мог подумать, что во времена Хозяина этот тогда еще не смотритель, а обычный рядовой исполнитель хладнокровно вырезал половину населения Содома!

Меняются времена, меняются люди...

Впрочем, все же времена меняются гораздо быстрее человеческих привычек. Взять хотя бы прошедший год – насколько он стал для Человечества революционным. Обрести наконец во Вселенной братьев по разуму – могучих друзей и защитников! Но разве истовое поклонение, с которым землекоп относится к ним, чем-то отличается от поклонения, с каким аборигены Нового Света боготворили высадившихся на берег европейцев?

Времена другие, люди все те же.

Землекоп, на свою беду, не ведает, что миротворцы-юпитерианцы медленно, но верно ведут Человечество к новому Содому, только теперь в глобальных масштабах. А в чем же, по мнению юпитерианцев, заключается вина Человечества? Да примерно в том же, в чем и у крыловского ягненка: само присутствие Человечества на Земле – один его большой и не подлежащий искуплению грех...

Не хотелось именно в этот момент – момент знакомства с живописным городом – думать о плохом, но все мысли Мефодия так или иначе возвращались к одной теме. Да и как было к ней не возвращаться? Останься сегодня на планете все как есть, и сколько еще простоит здесь эта древняя красота, прежде чем исчезнет под натиском юпитерианских полчищ?

Год? Несколько лет?

Может быть, но точно не века...

– Ну вот и настроился на нужный лад! – нарушил молчание Гавриил, уловив невеселые раздумья сидящего напротив акселерата. – А посему, если не возражаешь, переходим к работе.

– Хотел отпроситься у вас на полдня побродить по музеям, – сказал Мефодий, допивая кофе. – Я ведь бывший художник. Страсть как тянет взглянуть на полотна Матисса... Но так понимаю, что уже не успею.

– Да, время поджимает, – подтвердила Пенелопа и с грустью добавила: – К сожалению, не могу пообещать, что ты сможешь взглянуть на Матисса после работы. Но, может, когда-нибудь в будущем.

– Значит, у меня в жизни появилась еще одна цель – дожить до этого будущего, – так же невесело заметил Мефодий и откинулся на плетеную спинку креслица. – Ладно, господа-родители, выкладывайте.

– Он что, всегда такой беспардонный со зрителями? – поинтересовалась Пенелопа у Гавриила.

– У кого стажировался, от того и нахватался, – пояснил тот.

– Я, кажется, догадываюсь, у кого.

– Совершенно верно, у него самого. Каюсь, моя вина: надо было сразу не давать им обоим спуску, да теперь уже поздно. А впрочем, разве это помогло бы? Некоторым просвещенным хоть каждый день дисциплинарные взыскания навешивай, все равно – что в лоб, что по лбу.

– Это точно!

Со стороны Гавриил и Пенелопа смахивали на пожилую супружескую чету, приехавшую на Ривьеру отдыхать. Неспешно бродят по улочкам, осматривают достопримечательности, беседуют... От Мефодия не ускользнуло, что зрители обращались друг к другу хоть и на «вы», но без обязательного «зритель», а просто по имени. Таких дружеских отношений между высшими представителями Человечества акселерату наблюдать еще не доводилось, а потому он решил присмотреться к этой занимательной парочке получше.

– Видишь здание напротив и чуть левее тебя? – спросила Пенелопа Мефодия и одними глазами указала в нужном направлении. Точно так же – не поворачивая головы – Мефодий скосил взгляд влево и осмотрел объект.

Обычный для малоэтажной Старой Ниццы дом – крытая красной черепицей крыша, неброский фронтон, три этажа, фигурные решетки на окнах и деревянная парадная дверь с огромной литой ручкой. На стоянке возле дома несколько современных машин. Рядом с дверью бронзовая табличка.

Мефодий наострил зрение: «Дюпон и Делакура: экспорт рыбной продукции».

– Это не рыболовы. В здании находится региональное представительство бригады «Ля Плейн Омбр», – пояснила Пенелопа. Кто такие ребята из бригады «Сумеречная Тень», Мефодию пояснять не требовалось. – Снаружи дом как дом, внутри – сущая Бастилия а-ля модерн: бронированные двери, толстые стены, сигнализация, рота охраны, современные средства связи... Под землю также уходят несколько этажей, однако эта информация точно не проверена.

– Спасибо, что предупредили, – больше по этой улице гулять не буду, – шутливым тоном заметил Мефодий.

– Мы привели тебя сюда не для того, чтобы показать логово врага, – недовольный беспечностью исполнителя, произнес Гавриил. – Сегодня ночью тебе предстоит совершить самостоятельную экскурсию внутрь этой крепости.

Хорошо, что Мефодий уже допил кофе, иначе он бы, наверное, поперхнулся.

– Так, значит, вот откуда будет осуществлена эвакуация! – наконец догадался он, мгновенно утратив не только беспечность, но и хорошее настроение.

Самое яркое воспоминание из боевого прошлого господина Ятаганова – атака на Генеральную Ассамблею ООН – тут же померкло перед грядущим заданием. Или, если говорить начистоту, обычным самоубийством. Так вот для каких целей его держали полгода в темных

подземельях, гоняли по снегу, копались в мозгах и шпиговали взрывоопасным адреналином! Надо было тогда, в Колизее, просто дать Сатиру разорвать себя на клочки, и все...

– Внутри объекта засели не только Сатиры. На днях прибыла парочка придворных Юпитера: Артемида и Арес, – добавила пикантную деталь Пенелопа, после чего акселерат понурил голову еще больше.

– Но я не чувствую в округе возмущения эмоционального фона! – возразил он. Присутствие небожителей всегда и везде можно было вычислить по волнению местного населения, невольно обращающего внимание на странных чужаков.

– За те полгода, что ты набирался уму-разуму, этот закон утратил силу, – сказал Гавриил. – Теперь миротворцы такие же полноправные граждане Земли, как и... вон тот официант. К их присутствию землекоп давно привык и реагирует на их странности вполне спокойно. Поэтому ты не чувствуешь никакого возмущения эмоционального фона.

– Та-а-ак... – озадаченно протянул Мефодий, свыкаясь с очередным осложнением, явно не последним. – Это все или есть еще новости, которые обошли меня стороной?

– Да нет, все, что тебе нужно, ты уже знаешь. На данный момент юпитерианской блокировке каналов телепатической связи подверглись порядка девяноста пяти процентов землекопов. Мы можем без проблем контролировать только одного из двадцати. Самое неприятное в том, что и этого одного ни по каким признакам не отличишь. Горько признаваться, но мы, высокоразвитые земляне, утратили контроль над самым многочисленным подвидом Человечества. Поэтому единственное, на что сегодня способны зрители, это лишь бить гравитудами, обесточивать электрические системы да обращать в невидимку того, кого потребуется.

– Ну, хоть это радует. Значит, к «Теням» я все-таки войду под прикрытием «скользкого колпака»?

Гавриил тяжело вздохнул и отвел взгляд. Отвечать на вопрос подчиненного взялась смотритель Пенелопа:

– Извини, но «скользкого колпака» не будет. В здании «Сумеречной Тени» он неосуществим в принципе. Видишь ли, «скользкий колпак» лишь делает тебя незаметным на фоне окружающей среды, не более. У «Теней» же есть несколько фильтрационных ворот, которые открываются только после сканирования сетчатки глаза и отпечатков пальцев. Их можно пройти... ты сам догадываешься как.

– Только с боем! – Мефодий потер виски – головная боль, что последние дни не давала о себе знать, снова запульсировала в мозгу ударами тяжелого молота. – А другие пути проникновения есть? Подвалы, чердаки, вентиляционные шахты?

Пенелопа посмотрела на акселерата снисходительно и одновременно сочувственно. В ее взгляде без труда читался ответ: неужели ты, мальчик, считаешь, что «Сумеречная Тень» настолько глупа, что оставила без внимания столь элементарные вещи?

Свыкаясь с услышанным, Ятаганов подозвал официанта, после чего заказал еще одну чашку кофе и два бисквитных пирожных; загруженный информацией мозг нуждался в повышенной порции углеводов для подпитки. Юркий официант исполнил просьбу Мефодия с похвальной даже для отточенного курортного сервиса расторопностью.

– Итак, я вхожу... Что дальше? – любопытствовал исполнитель, ложечкой кромсая на тарелке пирожное.

– Дальше ты находишь одного человека, – ответил Гавриил. – Запомни его хорошенько.

Перед глазами Мефодия возник телепатически переданный Гавриилом портрет молодого человека лет восемнадцати-двадцати. Парень напоминал обычного студента: худощав, длинные волосы зачесаны назад, неряшливый пушок на щеках и подбородке, на носу большие очки, а в глазах, несмотря на внешность простачка, недюжинный интеллект.

– Его зовут Жак Бриоль, – пояснил Глава Совета. – Он не студент, он аспирант местного университета геодезии и картографии. Ты должен будешь вывести его из здания и доставить вот сюда...

Отвесные, подступающие к морю склоны Альп. Маленький рыбацкий поселок, дощатый пирс и ведущая к нему грунтовая дорога. Где-то на востоке рассыпались по побережью огни небольшого, но оживленного города. Мерцание реклам и вывески дорогих казино... Монте-Карло! Точнее, точка доставки кандидата – западная оконечность Монако, крохотного пятка на юге Европы, носящего гордый статус княжества. Мефодий хорошенько зафиксировал в памяти дорожный указатель, обозначающий съезд с шоссе на проселок, что вел к нужному пирсу.

– Все ясно, – сказал Мефодий. – Вытащить Жака из застенок «Тени», вывезти из Ниццы и сопроводить в окрестности Монако.

– Верно, – подтвердил Гавриил. – Откуда мы при помощи хорошо известного тебе баркаса «Каракатица» переправим его в штаб-квартиру Совета.

– По данным наблюдения, наилучший момент для проникновения в офис «Тени» – от одиннадцати вечера до полуночи, – сказала Пенелопа. – Каждый вечер примерно в одно и то же время Артемида и Арес отправляются ужинать в ресторан «Трезубец Нептуна».

«Как забавно, – подумал Мефодий. – Артемида и Арес хрустят креветками в заведении имени собственного босса!»

– Поэтому в пределах часа в офисе будут находиться лишь Сатиры и землекопы. Так что без учета времени на отход ты должен уложиться в двадцать-тридцать минут. Задача тяжелая. Слэйеров мы лишать тебя не будем – слишком много юпитерианцев ожидает тебя внутри, – однако напоминаю о необходимости соблюдать осторожность при контакте с землекопами.

– Об осторожности мастерам напоминайте! – не преминул отомстить за унижительное, по его мнению, звание «акселерат» Мефодий. – Нам, исполнителям-уникумам, о таких элементарных вещах...

– Малыш, послушай меня, – мягко, но решительно оборвал акселерата Гавриил. – Я – один из самых пожилых людей на Земле, поэтому мое слово должно иметь для тебя авторитет, не так ли?

Это было истинной правдой.

– Лично для меня нет сомнений в том, что на данный момент исполнителя сильнее, чем ты, попросту не существует. Однако вместе с этим я беспокоюсь за тебя больше, чем за кого бы то ни было. Ты обладаешь огромной силой, но навыков пользования ею еще полностью не выработал. Не забудь об этом. Ни на секунду не ослабляй контроль за количеством адреналина в крови. Помнишь свой бой с Сатиром?.. Боевая ярость хороша до определенного момента. Ни в коем случае нельзя пускать ее на самотек, иначе она сама тебя и прикончит! Я понимаю твою бравату – если начистоту, после всего пережитого ты и впрямь можешь позволить себе проявлять некоторый гонор, но забудь о нем на время задания! Действуй аккуратно. Береги жизни землекопов, кандидата, а также свою.

– Спасибо, я это обязательно учту, – пообещал пристыженный Мефодий, после чего задал Главе Совета вопрос: – Скажите, а правда, что наш кандидат тоже отмечен меткой Хозяина?

– Да, насчет этого больше нет ни малейших сомнений, – подтвердил Гавриил.

– И между его меткой и фактом, что им плотно заинтересовались юпитерианцы, есть связь?

– Несомненно.

– Вы знаете, тогда нелишне было бы мне узнать, что это за особая метка, если вокруг нее поднялась такая шумиха. Жак – он что, тоже художник, изобразивший точный портрет Хозяина, или как?

Гавриил и Пенелопа переглянулись, очевидно втихомолку от Мефодия перекидываясь между собой какими-то мыслями. Акселерат догадался, что своим вопросом невольно коснулся некой закрытой темы, раз уж сам Глава Совета замешкался с ответом.

– Нет, конечно, если это секретная информация, я не настаиваю, – пошел на попятную Мефодий. – Просто подумал, какие могут быть между нами секреты, раз мы в одной команде, и все такое...

Гавриил кивнул Пенелопе. Та перестала буравить его своими лазурными, как Средиземное море, глазами и наконец заговорила:

– Жак Бриоль не занимается рисованием. Он программист. Неплохой программист. Заканчивает аспирантуру и начал работу над кандидатской. Увлекается мотоспортом. Чуть больше года назад попал в крупную аварию, чудом остался жив.

– После этого-то все и началось! – вырвалось у Мефодия. – Хм... Не обращайтесь внимания – нервничаю...

– Да, ты прав: после этого все и началось, – сказала Пенелопа. – Удар головой об асфальт пагубно сказался на мозговой альфа-кодировке Жака. Она «треснула» подобно каске, что была у него на голове. Возможно, кодировка «треснула» бы и без травмы; может, чуть позже, но «треснула» бы обязательно – мы не думаем, что подобная информация могла появиться в голове простого землекопа случайно... Вы уверены, зритель Гавриил?

– Только вкратце! – предупредил ее Гавриил. – Никаких координат и характерных примет!

– Работая над своей кандидатской – что-то по спутниковой навигации, – Жак неожиданно для себя сделал потрясающее открытие. Карты одного приполярного сектора при сравнении их со спутниковыми фотографиями давали небольшую, порядка тысячной доли градуса, погрешность. Все до единой карты, созданные на протяжении многих веков, и абсолютно идентичная погрешность! При устранении погрешности получалось, что реальные координаты географических объектов в этом секторе смещались. Немного, но смещались. Заинтригованный столь необъяснимой аномалией, Жак взялся за карты более южных территорий. И после углубленного их изучения он обнаруживает еще одну погрешность, однако при рассмотрении ее вкупе с уже имеющейся смещение объектов получается чуть больше. Тогда Жак по самую макушку обкладывается картами и начинает дотошное их исследование...

– Простите, я попросил бы немного покороче, – перебил Пенелопу Гавриил.

– В общем, через какое-то время Жак выясняет, что часть границы одной высокогорной республики во всех имеющихся на планете атласах явно не на своем месте. На самом деле граница ее проходит чуть южнее... Но самое интересное: южные границы этой страны в полном порядке, именно там, где и должны находиться. То же и с картами тех областей – они точны.

– Следует понимать, что где-то выше – на Севере – существует участок планеты, который благодаря сумме картографических погрешностей немного больше, чем принято считать? – догадался Мефодий. – И этот «довесок» не изображен ни на одной карте? Вот это да!

– Абсолютно верно, – подтвердила Пенелопа. – Тот участок очень мал, находится в труднодоступной ненаселенной зоне, и потому туда забредают лишь редкие случайные бродяги да охотники. Картографам о нем совершенно ничего не известно, дороги и маршруты через него не прокладываются, а значит, самолеты и экспедиции обходят его стороной. Для орбитальных спутников он и вовсе как булабочная головка, микроскопический пузырек на линзе телеобъектива... У данной территории нет официальных координат! Это даже не «белое пятно», это – часть другой планеты, созданная путем легкой корректировки электромагнитных полей и, как следствие этого, – погрешностей в показаниях измерительных приборов, а затем и топографических карт.

– Но кто изогнул электромагнитные поля, а главное – для чего? – Мефодий уже задал вопрос, когда в голове его фугасом разорвалась догадка. Догадка эта не осталась незамеченной зрителями, и в подтверждение ее правильности Гавриил едва заметно кивнул.

Небольшая аномалия, что влияет на точность измерительных приборов в Северном полушарии и искривляет электромагнитные поля ровно настолько, насколько искривляет рельс положенный на него кирпич. Видоизменить электромагнитные поля планеты по своему усмотрению мог только один ее обитатель – Хозяин...

Небольшой секретный участок в пустынной зоне, предназначенный для сокрытия чего-то действительно ценного... Украденного Хозяином при бегстве Усилителя, основной детали главного оружия Юпитера – Аннигилирующего Пламени! Того самого Усилителя, ради которого юпитерианцы проникли обманом на Землю и благодаря которому еще не истребили Человечество на корню: кто знает, может, прячущий Усилитель человек, почуяв собственный конец, уничтожит и Усилитель?

Простой землекоп Жак Бриоль фактически обнаружил место сокрытия бесценного Усилителя! Что это: действительно знак Хозяина или его непредвиденная ошибка? Ответ известен лишь тому, кто корректировал электромагнитные поля Земли; ответ, навсегда исчезнувший во мраке Космоса...

– Но каким образом Жак Бриоль сумел увидеть столь мизерную погрешность на карте? – полюбопытствовал Мефодий.

– Надеюсь, ты доставишь Жака живым и здоровым, чтобы он сам нам об этом рассказал, – усмехнулась Пенелопа.

– Наверное, увидел тем же непостижимым способом, каким некий кандидат в агенты Дмитрий сумел за одну ночь упорядочить все химические элементы Земли, – ответил Гавриил. – Скорее всего, так же спонтанно, как ты нарисовал фотографически точный портрет Хозяина... Одна из оставленных им загадок! Мы объясняем подобные странные вещи лишь условно, но никогда мимо них не проходим – не имеем права.

– Юпитерианцы, как оказалось, тоже не проходят, – грустно заметил Мефодий. – Ничего не скажешь, проворные ребята, шустро работают.

– Проклятый Интернет! – проворчала Пенелопа. – Прежде чем мы обратили на Жака внимание, он целую дискуссию успел в Сети развернуть про свое так называемое открытие века. И дождался, что «Сумеречная Тень» заинтересовалась его изысканиями. Юпитерианцы за любой информацией о географических и прочих загадках планеты следят во все глаза – любыми доступными способами ищут то, что потеряли. Так что скрутили они парня, мы даже моргнуть не успели...

Долго рассиживаться возле офиса «Ля Плейн Омбр» рефлезианцам было нежелательно, поэтому, заплатив по счету, они покинули кафе и неспешно зашагали в сторону моря.

Узкие улочки Старой Ниццы были вымощены булыжником, за века отшлифованным до прямо-таки паркетного блеска. Из-за фигурных решеток окон высывались наружу растущие на подоконниках цветы. Оглядевшись, Гавриил украдкой отломал веточку хризантемы и протянул ее Пенелопе. Пенелопа улыбнулась и благодарно кивнула.

Мефодий сделал вид, что не заметил джентльменского поступка Гавриила, а постарался сосредоточиться на сегодняшней ночи, в которой, несмотря на окружающую акселерата романтическую атмосферу, романтики не ожидалось совершенно.

Команда поддержки у Мефодия подобралась внушительная. Помимо стоящего на прикрытии Мигеля и ответственной за покупку катера и доставку его к причалу Кимберли, смотритель Пенелопа выделила несколько исполнителей, которые обязаны были патрулировать маршруты отступления и незамедлительно докладывать обо всех непредвиденных эксцессах.

Отвечающий за безопасность Гавриила смотритель Иошида категорически воспротивился непосредственному участию Главы Совета в операции. После коротких колебаний Гавриил внял доводам советника и отправился на дрейфующую в нейтральных водах «Каракатицу» готовиться к прибытию туда таинственного мсье Бриоля, что сумел раскрыть хитроумную выдумку самого Хозяина.

И все же, несмотря на поддержку, Мефодий ощущал себя ужасно одиноким: в офис «Сумеречной Тени», в гущу спящих там агентов Сюртэ и Сатиров, предстояло войти лишь ему – начиненному гремучим адреналином акселерату. По задумке Гавриила, при автономном действии у Мефодия было куда больше шансов на успех, поскольку ни один мастер не сумел бы поспеть за темпом акселерата и тем самым мог создать ему помеху. Не выросло еще среди исполнителей полноценного помощника для Мефодия Ятаганова – это заставляло его гордиться и сокрушаться одновременно.

Сегодня в основном сокрушаться.

– Не знаешь, кто из смотрителей обозвал меня акселератом? – спросил Мефодий у Мигеля. Они прогуливались в тени пальм неподалеку от офиса «Тени» и дожидались, когда пост наблюдения сообщит по мобильному телефону об ушедших на ужин Артемиде и Аресе. Стемнело; время приближалось к одиннадцати, а доклада все не поступало.

– Понятия не имею! – отозвался Мигель. – Скорее всего, Сатана – на него похоже... А что, это тебя как-то задевает?

– Да не то чтобы задевает... – Кислая мина Мефодия выражала, однако, совсем иное. – Не знаю, как где, но у меня на родине, если ты не в курсе, акселератами называют детей, которые опережают в развитии сверстников. Это что же получается, мне теперь всю оставшуюся жизнь перед такими, как ты, мастерами одаренным ребенком ходить?

– Нашел о чем переживать! – приободрил напарника Мигель. – Категория – дело последнее; главное – наше мнение о тебе как о человеке и исполнителе. Заметил? Я после твоих выпускных экзаменов... – мастер красноречиво потрогал собственную челюсть, – больше не называю тебя салагой!

– Велика заслуга! – пробурчал Мефодий. – А то, что взамен придумал – сатиробойка, – лучше?

– Так ведь это знак уважения, а не насмешка! – возмутился наставник. – Нет, конечно, если сатиробойка тебя задевает, придумаю что-нибудь другое.

– Да ладно, все в порядке... Так и быть, оставь сатиробойку, – смягчился Мефодий, по опыту зная, что альтернативный вариант Мигеля вряд ли будет лучше.

Мобильник запиликал в одиннадцать ноль пять: как и ожидалось, Артемида и Арес сегодня не стали изменять своей привычке.

Возле мнимого представительства «Дюпон и Делакруа» ничего нового не происходило. Кафе, в котором утром завтракали Мефодий, Гавриил и Пенелопа, закрылось, и официанты заносили на ночь внутрь раскладные столики и стулья. Старые, вероятно, повешенные еще в девятнадцатом веке, фонари испускали бледно-лунный свет; сама луна была не видна из-за разлапистых листьев растущих вдоль улицы пальм.

По автостоянке «Сумеречной Тени» лениво прохаживался охранник, но его присутствие беспокоило Мефодия слабо. Больше всего тревожило то, что скрывалось за невзрачными стенами офиса. Разведданные Пенелопы о внутренних постах, планировке и прочих сюрпризах были настолько поверхностными, что относить подобные крупницы информации к разведданным можно было с большой натяжкой.

– Ну что, как бодрость духа, как самочувствие? – подобно боксерскому секунданту, участливо поинтересовался у акселерата Мигель. – Готов? Тогда иди, работай, а я докладываю, что ты приступил. Ежели что, я рядом – за углом; ты только свистни, и мастер тут как тут!

Француз из местных – Жан-Люк, или как его? – будет ждать с машиной вон у того перекрестка. Как выйдете, сразу дуйте к нему, а я прикрою. Вроде бы все.

Мигель притих, постоял, глядя вместе с Мефодием на дверь офиса, затем вздохнул и протянул напарнику руку.

– Держи! – проговорил он со столь редкой для себя угрюмостью.

Мефодий крепко пожал протянутую руку, при этом стараясь, чтобы слегка дрожащая ладонь не выдала терзающий его страх. Кажется, мастер ничего не заподозрил, поскольку от уверенного крепкого рукопожатия акселерата даже поморщился.

– Учти: не прощаюсь! – подчеркнул Мигель. – Вы с Кимберли меня еще на ужин пригласите. Причем не раз!.. – Снова немного помолчал. – А теперь за дело!

И хлопнул Мефодия по плечу. Да с такой силой, что первые шаги в направлении вражеской цитадели акселерат совершил скорее от этого дружеского хлопка, чем по своей воле.

Франция встретила Мотылькова прохладно, словно русский полковник успел ей, дружелюбной и радушной стране, крепко насолить. Но Мотыльков не обиделся: в конце концов, что он за птица такая, чтобы требовать для себя горячего приема?

Находить общий язык с французами полковнику было крайне тяжело. Сергей Васильевич немного понимал по-английски, мог вести допросы на чеченском, но из французского знал лишь «бонжур» и «мерси», да и те слетали с его уст без должного прононса, скорее напоминая рык голодного хищника.

Хотя нет, имелось одно слово, знание которого объединяло сдержанного полковника и говорливых французов. И слово это было «рефлеззианец». По мнению Сергея Васильевича, французские коллеги при их чистейшем произношении говорили его очень забавно – так, будто не поминали всеу страшнейшего врага человечества, а ласково мурлыкали с подружкой в постели: «рэфлэзир-р-р»...

К огромной радости Мотылькова, стажироваться его поставили в паре с содировцем из Санкт-Петербурга по имени Степан. Тот знал французский гораздо лучше соотечественника-староболотинца и, что самое главное, мог вполне прилично отвечать на любые вопросы, а не только на «парле ву франс?». Вот так совместно, будто отличника и прикрепленного к нему двоечника, стажеров перенаправили дальше на юг – на Лазурный Берег, в курортную и более жаркую, нежели пасмурный Париж, Ниццу.

В отделении бригады «Ля Плейн Омбр» в Ницце стажироваться было очень интересно и познавательно. Здесь работали на самом современном уровне, а не по старинке, как на родине Мотылькова.

Прежде всего, в «Сумеречной Тени» существовало подразделение компьютерных хакеров, которое являлось едва ли не главной ценностью бригады. Эти «электронные медвежатники» курсировали по Интернету, взламывали любые подозрительные серверы и сканировали на предмет рефлеззианской темы тысячи форумов и электронных переписок. Информация от хакеров в аналитический отдел шла вагонами; оперативные группы не просиживали без дела штаны и, бывало, по несколько раз в день выезжали на проверку каждого помеченного аналитиками случая.

И как результат, в бетонных подвалах офиса «Тени» в Ницце находилось десять пойманных рефлеззианцев, причем живых. Удерживались они в подаренных бригаде миротворцами камерах-аквариумах, при помощи которых рефлеззианцев приводили в состояние полного паралича. Рефлеззианцы плавали в специальном питательном растворе, пребывая в сознании, но не могли не то что откусить себе язык, а даже моргнуть.

Таинственное рефлеззианское оружие исследовалось в лабораториях, по сравнению с которыми отдел экспертизы Мотылькова находился еще на пороге бронзового века. Сергей Васильевич во все глаза пялился на огромный жидкокристаллический дисплей, где мельте-

шили сложные формулы неизвестного металла и вращались во всех плоскостях модели его молекул. Естественно, полковник мало что понимал, однако с напускной озабоченностью кивал головой, слушая лекцию тараторящего без умолку профессора-француза. Единственное, что четко запомнил полковник из лекции, было то, что рефлезианский металл невероятным образом сочетает в себе, казалось бы, изначально несочетаемые химические и биологические компоненты. При этом загадочный металл очень напоминал организм; нечто наподобие биомассы, превосходящей по крепости алмаз в сотни раз! Но заставить этот организм проявить хоть малейшие признаки жизни профессору пока не удалось, даже с учетом того, что ученый имел под рукой любое оборудование, какое только мог пожелать.

После исследования тел пойманных Мотыльковым рефлезианцев староболотинские судмедэксперты составили отчет, который уместился на тетрадном листке: абсолютно нормальные организмы без каких-либо отклонений. Единственным их отклонением можно было считать только то, что подобных идеально здоровых организмов в природе не существует.

Во Франции Мотыльков обогатил свой запас знаний о рефлезианской анатомии с объемов тетрадного листка до небольшой брошюры. Оказывается, главное отличие рефлезианцев от людей было сокрыто внутри черепной коробки. Мозг имеющих человеческую личину пришельцев хоть и не превышал по размеру человеческий, зато по весу превосходил тот практически вчетверо. Нервные волокна рефлезианцев при увеличении напоминали витые двужильные провода, словно рефлезианский организм обладал дополнительной нервной системой, предназначенной для дублирования основной или вообще неизвестно для каких целей.

В глазных яблоках рефлезианцев имелись дополнительные мышцы. Они не только изгибали хрусталик, но и перемещали его взад-вперед; профессор медицины утверждал, что эта особенность позволяет глазам пришельцев, подобно телеобъективу, регулировать кратность увеличения наблюдаемого объекта. Костная ткань рефлезианцев по крепости напоминала строительную арматуру, а сухожилия – толстые сыромятные ремни. Количество суставной жидкости было вдвое больше нормы, а сами суставы походили на подвергнутые углеродной закалке шаровые опоры автомобиля. Нормальный для рефлезианца ритм сердечных сокращений под нагрузкой лежал в пределах четырехсот ударов в минуту – всего лишь в полтора раза меньше, чем скорострельность автомата Калашникова!

Спецсредства для поимки шустрых инопланетян у «Тени» тоже были отменные. Мотылькову предоставили для ознакомления пневматические ружья, снаряженные шприцами с мощными транквилизаторами, наподобие тех, которыми усыпляют слонов и тигров, выстреливающие из специальных катапульти нейлоновые сети, а также громоздкие ручные устройства для стрельбы резиновыми пулями (точнее, даже не пулями, а ядрами) калибром с бейсбольный мяч.

Мотыльков часто вспоминал, с каким трудом были схвачены рефлезианцы, которыми гордился его отдел: два десятка дюжих содировцев сумели скрутить врагов лишь благодаря беспримерному героизму. Оперативники навалились на рефлезианцев скопом, повиснув на их конечностях по двое, а то и по трое. Будь у староболотинцев то же вооружение, что у французов, им можно было бы тягаться с рефлезианцами практически на равных. Но самое радикальное средство, что имелось в арсенале у Мотылькова, являлось старым помповым карабином «КС-23», резиновые пули которого не всегда сваливали обычного дебошира, не говоря уже о пришельце...

Больше всего у полковника вызывало недоумение, как при столь современной оснащённости парни из «Сумеречной Тени» не смогли произвести допрос хотя бы одного, самого мягкотелого рефлезианца. Однако, когда французские друзья по секрету поведали Сергею Васильевичу и Степану, что перед этой проблемой пасуют даже миротворцы, полковник невольно проникся к рефлезианцам уважением: он-то, старый вояка, думал, что миротворцы оградили землян от простых космических флибустьеров, а на самом деле иноземный враг далеко не так

прост, как кажется! Оказывается, что Мотыльков борется с противником, опасность которого переоценить трудно, этаким глухонемым смертником, вооруженным по последнему слову техники.

После этого полковник отринул последние сомнения в важности своей новой службы и с удвоенной энергией стал вникать в ее премудрости.

Впрочем, сомнения в душе полковника все равно остались, но не в истинности выбранного пути, а несколько иного толка. Груз этих сомнений Мотыльков не привез с родины, а приобрел уже здесь, в Ницце.

С некоторых пор Сергей Васильевич ощущал себя так, будто, придя на просмотр кинофильма с донельзя запутанным сюжетом, проспал середину картины и теперь терзался догадками, правильно ли он понимает развитие событий и не упустил ли во время сна какую-нибудь ключевую сцену.

Провалы в памяти – так можно было это еще охарактеризовать?

Первая неуверенность посетила полковника при просмотре базы данных на попавших в поле зрения спецслужб, но еще не пойманных рефлезиянцев. База состояла в основном из нечетких фотографий, сделанных во время прошлогоднего прибытия на Землю миротворцев. В тот день рефлезиянцы рискнули выйти на битву с ними с открытым забралом, поэтому и не ушли от внимания сотен фото- и видеокамер.

Большинство рефлезиянцев, зафиксированных туристами и корреспондентами, на момент съемки находилось в движении, и по этой причине опознать их на фото можно было только после тщательной оцифровки изображения. Но и оцифровка внесла мало ясности. По картотекам спецслужб ни один из рефлезиянцев не проходил, а поиск наугад давал такое количество похожих на искомые лиц, что впору было начинать всепланетные розыски уже не космических резидентов, а обыкновенных добропорядочных землян. И потому сто с небольшим рефлезиянцев, чьи физиономии красовались на стенде «Их разыскивает «Сумеречная Тень», имели в своих досье графы «пол», «приметы», «примерный возраст», «приблизительная национальность», однако не имели ни точных имен, ни места жительства.

– Россиян случайно нет? – первым делом поинтересовался Мотыльков, поскольку такой полезной картотекой в Староболотинске его еще не снабдили.

Ему выдали полтора десятка электронных досье на тех рефлезиянцев, что предположительно относились к уроженцам стран бывшего Советского Союза и Восточной Европы. Мотыльков просмотрел все досье за полчаса и хотел было выключить компьютер (подходило время обеда), но необъяснимый сигнал тревоги прозвенел в голове Сергея Васильевича и заставил вернуться к монитору...

Лето прошлого года. Захват в заложники сотрудников милиции каким-то наркоманом... Как бишь его имя?... «Стареешь, Серега, стареешь! – посетовал в мыслях полковник. – Тебе бы в отставку, а не контршпионажем заниматься...» Обычная для его головорезов работа. Наркоман хотел скрыться, но его схватили... Или не схватили? Да как же не схватили, вон и благодарность в личное дело занесена! Еще ФСБ хотела лавры той операции себе присвоить, но СОБР Мотылькова утер тогда нос и ФСБ, и тем, кто уговаривал этого шизофреника сдаться по-хорошему...

«Вот чертовщина! Операция проходила год назад, а помню ее, словно дело было в юности! – терзался сомнениями полковник, отрешенно глядя на монитор. – Да и помню почему-то фрагментами: наркомана повязали, а сам момент захвата – ярчайший момент всей операции! – отложился в памяти смутно, будто с чих-то слов. Но самое странное: почему я даже мельком не вспоминал о той операции до настоящего дня? Ведь довольно запоминающийся выдался тогда день – паника, журналисты, стрельба!»

Погруженный в раздумья, Мотыльков даже не заметил, как перестал вращать колесико мыши и оставил на мониторе фотографию молодого человека с длинными волосами, в кожаной

куртке и потертых джинсах. Парень значился под грифом «Особо опасен» и имел в Нью-Йорке солидный багаж правонарушений, среди которых многократное превышение скорости выглядело детской шалостью. В основном же ему инкриминировалось неподчинение представителям власти, жестокое избивание агентов ФБР и полицейских, угоны машин, создание аварийных ситуаций на дорогах, вандализм, незаконное ношение оружия и стрельба в общественном месте. А в конце списка преступлений указывалось, что именно данный рефлезиянец считается виновным в нанесении тяжких телесных повреждений представительнице миротворцев: молодая женщина – почетный гость Земли! – лишилась по его милости обеих рук по самые локти.

Сейчас полковник готов был поспорить с кем угодно и дать на отсечение собственные руки, что кровожадный нью-йоркский истязатель не кто иной, как тот самый наркоман, захваченный СОБРОм Мотылькова в Староболотинске.

Впрочем, о сделанном открытии полковник умолчал – решил не поднимать шум, а для начала переслать фотографию на родину своему заместителю. Следовало уточнить, хлебают ли сегодня баланду в не столь отдаленных от Староболотинска местах данный имярек, за поимку которого полиция Нью-Йорка обещает вознаграждение размером с годовой бюджет староболотинской СОДИР.

Если же этого человека за колючей проволокой нет... Мотыльков не знал, что тогда думать – либо мир сошел с ума, либо он, Сергей Васильевич, крепко ударился год назад головой и теперь присваивает себе операцию, в которой никогда не участвовал... И ладно, если присваивает чужую славу, а то, может, просто взял да выдумал кучу подвигов контуженным когда-то чеченской гранатой мозгом? Хотя никогда бы не подумал, что тяжелая контузия так развивает воображение.

Просто паранойя какая-то!

«Может, вправду подать рапорт об отставке? – подумал озадаченный полковник. – Так ведь не подпишут – война с рефлезиянцами на дворе. Вот кончится война... Тьфу ты, черт, да когда ж она, окаянная, кончится? На мою жизнь рефлезиянцев точно хватит...»

Второе сомнение полковника было сродни современной форме ереси. Ересь эту Мотыльков держал в строжайшей тайне даже от собственной жены. Сергей Васильевич опасался, как бы за подобную точку зрения его, орденоносного ветерана, не приговорили к аутодафе прямо на центральной площади Староболотинска, аккуратно напротив чудом пережившего все политические катаклизмы памятника Ленину. Или предали анафеме как святотатца.

Крамола в мыслях полковника заключалась следующая: вопреки стойкому официальному мнению, Мотыльков был уверен в том, что миротворцы ведут на Земле тайную игру и пускать в нее землян не намерены даже в качестве зрителей.

Странно, но иногда Сергею Васильевичу казалось, будто он один видит миротворцев в этом неприглядном свете. Все же остальные – коллеги, друзья, журналисты, политики – благоговейно перед спасителями планеты и считают их кем-то наподобие добрых божеств. Мотыльков миротворцев богами не считал, относился к ним хоть почтительно, но с опаской и завел себе нечто вроде хобби – наблюдать за братьями по разуму и фиксировать все нюансы их загадочного поведения.

Главная нестыковка между словом и делом миротворцев напрягала полковника с самой зимы. Помнится, еще на Встрече Миров их бородастый лидер с труднопроизносимым именем (Мотыльков даже не пытался запомнить эти длинные и корявые имена наподобие Теториосанектифаргениус) обещал одарить братьев-землян огромным количеством прогрессивных технологий, однако, кроме мелких и в принципе не особо полезных новинок – кое-что в электронике, медицине, металлургии, – покровителями Земли подарено не было. А казалось бы, перед угрозой такого свирепого врага, как рефлезиянская раса, земляне просто обязаны были получить от них высокотехнологичное оружие, скоростной и маневренный транспорт, более совершенные приборы слежения и обнаружения...

Ничего этого Мотыльков пока не наблюдал, по крайней мере, в своей сфере деятельности. Да, выделили миротворцы продвинутой бригаде «Ля Плейн Омбр» несколько аквариумов для содержания рефлезанцев, а в основном просто помогают, давая элементарные советы. И это несмотря на то, что все поставленные миротворцами условия земляне выполнили: санкционировали им беспрепятственное передвижение по всей территории планеты и подарили остров в Карибском море для резиденции. Но что опять вызывало подозрения, ни один землянин на тот остров не допускался, даже ближайšie соседи миротворцев кубинцы.

Братья по разуму – как высокопоставленные «летуны», так и их рядовые бойцы – путешествовали по Земле без эскорта, всюду вмешивались в дела землян, разве что пока делали это тактично и с разрешения.

Плюсы подобной политики Человечества выражались в том, что миротворцами были погашены очаги многих застарелых конфликтов. Само появление всемогущих миротворцев в зоне военных действий сводило на нет любую войну: оружие начинало мазать, а бронетехника – выходить из строя; возможности, которые «голубым каскам» ООН и не снились.

К минусам относилась невозможность уследить, чем занимается в твоей «комнате» «старший брат»: просто картинки на стенах разглядывает или шарит по ящикам твоего стола...

Полковник Мотыльков всматривался в скрытные лица миротворцев и предполагал второе. Именно потому, что они – «старшие братья», а старшие братья всегда уверены, что им в отличие от младших дозволено очень многое.

В Ницце миротворцы вели себя таким же образом.

Однажды в аналитический отдел «Тени» поступила ориентировка на некоего Жака Бриоля – аспиранта одного из местных институтов. Мсье Бриоль давно покрыл себя в Интернете славой ярого ниспровергателя таких незыблемых теорий, как география материков. Он смел утверждать, что все географические карты планеты лгут по вине глобального заговора тайного мистического ордена.

По мнению Мотылькова, Жак Бриоль был обычным безумцем с напрочь сорванной крышей, каковых и до появления миротворцев на Земле насчитывались десятки тысяч. Аналитический отдел бригады считал аналогично и хотел было отправить ориентировку на аспиранта в корзину, но не успел, и она попала на глаза кому-то из братьев по разуму.

Жак Бриоль заинтересовал покровителей Земли настолько, что в Ниццу из их карибской штаб-квартиры были в срочном порядке присланы двое высокопоставленных миротворцев: женщина, что не так давно проводила проверку староболотинской СОДИР, и угрюмый широкоплечий коротышка с отталкивающей внешностью бульдога. Помешанного на глобальных заговорах аспиранта немедленно приволокли в офис «Сумеречной Тени»...

...И вот тут началось самое любопытное! Миротворцы стали обращаться с задержанным преувеличенно вежливо, выделили ему на секретном подвальном уровне кабинет, обставили тот компьютерами и засадили недоумевающего Жака за работу.

Сильнее аспиранта недоумевали только сотрудники «Сумеречной Тени», поскольку вся суэта вокруг невзрачного программиста проходила совершенно без их участия. Кабинет задержанного, более походивший на камеру, охранялся круглосуточно и исключительно миротворцами, подобно солдатам почетного караула, носящими на поясах громадные дурацкие сабли. Миротворец-«бульдог» и его коллега подолгу пропадали за закрытыми дверями этого кабинета-камеры, а о чем они там с Жаком секретничали, сотрудниками «Тени» не обсуждалось. Да и никто, кроме миротворцев, туда не допускался.

Разумеется, существовала официальная версия событий, которой миротворцы снабдили любопытствующих землян: Жак Бриоль имел выход на рефлезанское командование и после ряда недоступных скудоумию землянина процедур мог указать точные координаты генштаба рефлезанцев. Само собой, сотрудники «Тени» отговоркам поверили, поскольку если бы даже не поверили, то что бы изменилось?

Мотыльков также сделал вид, что поверил, хотя в своем мысленном дневнике к строке «Миротворцы явно что-то недоговаривают...» приписал: «Готов поклясться честью офицера!»

Коллеги-французы, с которыми Мотыльков и его напарник Степан успели сдружиться, уже кололи себе дырки для орденов: еще бы, ведь не где-нибудь, а в их скромном офисе начала коваться победа над самым коварным врагом Человечества! И снова полковника посетили подозрения, что только он один замечает за миротворцами их извечную скрытность. Подозрения укреплялись и медленно, подобно растущему кристаллу, перерождались в стойкие убеждения.

«Все-таки на войне легче, – размышлял Сергей Васильевич, стоя глубокой ночью на балконе гостиничного номера, куря сигарету и глядя на мерцающие во мраке огни порта. – Я знаю врага, враг знает меня. Где-то играем вежливо, где-то грубо – как требует ситуация. На этой войне враги и друзья вроде бы тоже обозначены, однако почему за врагами не числится ни одного убийства землянина – даже тогда, при штурме Ассамблеи ООН, когда американский спецназ уничтожил десятки рефлезиянцев? Да, враг скрытен, но он умный враг, ему положено таковым быть. Так поди ж ты – друзья-то еще таинственнее! Что мы вообще знаем о миротворцах? Только то, что они сами нам рассказали! Кто поручится, что в действительности все так и есть?.. Голова раскалывается! А еще хренов наркоман, который половину Нью-Йорка разгромил... Нет, не могу я ошибаться – он это и никто иной. Может, сбежал из тюрьмы и прибил к рефлезиянцам? Пожалуй, самое логичное объяснение...»

Чем ближе подходил к концу срок стажировки Сергея Васильевича, тем длиннее становились его ночные бдения с сигаретой на балконе. Нехарактерная для прежнего полковника глубокая задумчивость нападала на него преимущественно по ночам. Днем было просто не до нее – службу Мотыльков нес как положено: отдавался работе без остатка, делал дело как следует и приказы не обсуждал.

Несмотря на то что познакомиться с Францией поближе Мотылькову мешала занятость, эта страна ему все-таки нравилась. Мелодичный французский язык тоже понравился, хоть и оставил в памяти полковника лишь два десятка самых распространенных выражений. Замечательный город Ницца, спокойный и тихий. Такая же спокойная и тихая выдалась стажировка...

Впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь.

И не думал полковник Мотыльков, скучая за компьютером над шахматной партией в предпоследний день стажировки, что мат в четыре хода, который он приготовил для этой премудрой машины, он поставить так и не успеет.

Фойе мнимых рыботорговцев «Дюпон и Делакура» было оформлено с таким расчетом, чтобы любой зашедший к ним покупатель ничего не заподозрил. Сонный клерк дремал за стойкой, по стенам были развешаны рекламные проспекты, цены на рыбу, курсы валют и прочая деловая информация, по углам в кадучках росли небольшие пальмы. Задрав голову к потолку, можно было обнаружить две видеокамеры, свидетельствующие о том, что господа Дюпон и Делакура – очень ответственные люди, раз так пекутся о собственной безопасности.

– Простите, мсье, но мы закрыты, – при виде Мефодия клерк вышел из дремоты и откинулся на спинку стула – довольно крепкий для простого офисного служащего малый. – Приходите завтра, мы открываемся с восьми.

Мефодий не сомневался, что при «Сумеречной Тени» действительно функционирует небольшая торговая фирмочка. Такая же, как при смотрительско-исполнительских группах, тоже работающих под прикрытием юридических контор и подобных мелких организаций. Обе враждующие стороны применяли аналогичную тактику, жизненно необходимую на незримых фронтах тайных войн.

– Как мне найти мсье Дюпона? – подходя к стойке, спросил первое, что пришло ему в голову, Мефодий. – Я его племянник. Сегодня вечером я прибыл из Лондона. Дядюшка дал мне этот адрес и давно меня ждет.

– Извините, мсье, но у мсье Шарля Дюпона нет племянников, – вежливо ответил клерк и настороженно приподнялся со стула. Мефодий заметил под пиджаком клерка пистолет. – Видимо, вам нужен какой-то другой мсье Дюпон.

– Да нет же, – настаивал Мефодий. – Мне нужен именно Шарль Дюпон, мой дядюшка и совладелец этой фирмы. Вы не возражаете, если я пройду наверх? Он наверняка меня заждался. – И направился мимо клерка ко входу во внутренние помещения, который, по его расчетам, выпадал из обзора видеокамер, следящих лишь за посетителями в фойе и парадной дверью.

– Одну минуту, мсье! – вскричал клерк, выбегая из-за стойки и бросаясь вслед за Мефодием. – Чтобы пройти наверх, вам необходим пропуск!..

– Нет у меня пропуска, – с сожалением признался Мефодий, но клерк его не слышал, поскольку уже лежал без сознания у ног исполнителя. Удар акселерата разил не хуже бейсбольной биты, только без черепно-мозговых травм.

Нигде не заголосила тревожная сигнализация, и Мефодий счел это хорошим знаком – лишняя минута форы в его положении была подобна козырю для проигрывающего картежника.

Дверь во внутренние помещения – солидная, из мореного дуба – оказалась лишь ширмой. Сразу за ней узкий коридор перекрывала другая: металлическая, вся в заклепках и даже без намеков на замочную скважину или «глазок». Возле нее висел сканер не то для отпечатков пальцев, не то для сетчатки глаза; для чего именно, Мефодий выяснять не стал, потому что пользоваться сканером не собирался. Выпустив слэйеры, он по рукояти вонзил их в стальную поверхность двери, после чего за считанные секунды прорезал в металле вторую дверь. Для ее открытия уже не требовалось никаких премудростей, а нужен был лишь хороший пинок...

Большой квадрат толстой стали с грохотом влетел внутрь открывшегося Мефодию второго фойе, теперь уже настоящего, принадлежащего той организации, что на самом деле обитала в этом здании: пульта охранных систем, вдоль стен сплошные мониторы, электрощиты и стеллажи с оружием. Вошедший сюда обязан был пройти мимо поста по стеклянному коридору под пристальными взорами охранников. Заканчивался коридор так же, как начинался, – неприступной стальной дверью, которая открывалась с пульта охраны.

Ввязываться в бой раньше времени Мефодий не собирался – такая тактика довела бы его до могилы, а не до намеченной цели. Акселерат исходил из принципа «самый короткий путь к победе – прямой»; победой же для исполнителя являлось вызволение несчастного аспиранта, а не пополнение юпитерианских некрологов. А чтобы вызволить Жака, его требовалось сначала отыскать, причем отыскать как можно быстрее, не отвлекаясь на лишние потасовки.

Оглушительный лязг ударил по ушам охранникам фильтрационного пункта, а потом стремительная тень пронеслась по стеклянному коридору и на мгновение задержалась у второй двери, производя над ней какие-то манипуляции. Грохот и лязг повторились. Тень исчезла, нырнув в мгновение вырезанный из стальной двери квадрат, идентичный тому, что уже зиял в первой.

Все произошло за несколько секунд. Охранники переглянулись, а старший смены, державший чашку с кофе, даже успел отхлебнуть глоток, прежде чем сообразил, что испортивший двери призрак ему отнюдь не привиделся. Однако, прежде чем палец охранника дотянулся до красной кнопки и в коридорах «Ля Плейн Омбр» раздался сигнал тревоги, Мефодию удалось прорезать еще одну бронированную перегородку и перепугать охранников второго фильтрационного поста.

«Легко сказать: пойди и найди! – подумал Мефодий, когда уперся в очередную решетку на перекрестке коридоров. – Ни схем, ни указателей. Даже спросить не у кого!.. Ладно, здесь наверняка одни кабинеты. Пойду пошарю в подвалах...»

Под раздавшийся вой сигнализации акселерат вогнал люциферрумовые клинки в бетонный пол под ногами, совершенно не представляя, куда сейчас провалится...

Истеричный визг, раздавшийся за спиной, чуть не перекрыл завывания сигнализации. Отряхнувшись от обломков бетона, Мефодий осмотрелся, пытаясь сориентироваться и обнаружить кричащего.

Туалет, да еще и женский! К счастью, никого, кроме голосащей возле умывальника дамочки, в туалете не было, иначе акселерат не простил бы себе подобной невоспитанности; да, для служащих «Тени» он злодей, но злодей благородный, не какой-нибудь извращенец!

Дамочка – по-видимому, секретарша или программистка, но точно не оперативница – от испуга застыла на месте и громко звала на помощь. Понимая, что, поигрывая холодным оружием, перепуганную женщину не утешить, Мефодий первым делом убрал слэйеры в рукава, а затем, стараясь улыбаться как можно миролюбивее, приблизился к дрожащей свидетельнице его эффектного появления.

– Успокойтесь, прекрасная мадемуазель, – промурлыкал Мефодий. – Я не причиню вам никакого вреда! Я хочу лишь узнать, где мне найти Жака Бриоля. Знаете такого?

Вместо ответа дамочка непонятно кому указала на Мефодия пальцем и прокричала:

– Рефлезианец!

Мефодий не стал отрицать очевидный факт – ясное дело рефлезианец, а не Джеймс Бонд! – и с еще большей любезностью произнес:

– Пожалуйста, мадемуазель, не стоит так волноваться! Вспомните: Жак Бриоль, аспирант-компьютерщик. Не может быть, чтобы вы его не знали!

Никакого содействия!

Дамочка продолжала верещать и верещала бы, наверное, даже если бы рефлезианец упал перед ней на колени и рассыпался в комплиментах. Проверять, так это или нет, Мефодий не стал, вместо этого он шагнул к дамочке, грубо зажал ей рот и, успокаивая свою совесть тем, что так надо ради Человечества, выпустил из рукава слэйер.

– Тысяча извинений, мадемуазель, – проговорил он, стараясь не смотреть в расширенные от страха глаза женщины. – Ужасно тороплюсь, поэтому в последний раз спрашиваю: где Жак Бриоль?

А дабы немного поторопить дамочку с ответом, махнул слэйером и рассек надвое фарфоровую раковину.

Демонстрация рефлезианской агрессивности подействовала на мадемуазель куда эффективнее, чем увещевания. Догадавшись, что дамочка хочет что-то сказать, Мефодий освободил ей рот и с поощрительной улыбкой кивнул.

– Я не знаю того, кого вы ищете! – запинаясь от волнения, призналась она. – Он здесь не работает.

Похоже, заложница не лгала.

– По-видимому, он – арестованный, – уточнил Мефодий. – Где вы держите арестованных?

– Не знаю. Я работаю в офисе на этом уровне...

– Ну хорошо, верю. А что на других уровнях?

За стенами туалета надрывалась сигнализация, и время, отпущенное акселерату на выполнение задания, уходило.

– Ниже – научный отдел, – всхлипнула дамочка. – А уровень «Ц» закрыт, и мне запрещено там появляться... Прошу вас, не убивайте меня!

Это было уже хоть что-то. Значит, путь Мефодия лежал глубже под землю.

Не иначе как прямо в ад...

– Премного благодарен! – снова стал джентльменом рефлезианец. – А убивать вас я не собираюсь, как вы могли такое обо мне подумать! Знаете, вам надо больше доверять людям.

Однако, судя по катившимся из глаз девушки слезам, доверять Мефодию она все равно отказывалась. Тем более что, по ее понятиям, рефлезианцы к людям не относились.

За дверью послышался топот – очевидно, истошные вопли из женского туалета не остались без внимания. Исполнитель отломал от разбитой раковины кусок трубы и просунул его под дверную ручку, перекрыв вход в туалет. Затем грубо ухватил девушку за плечо и оттащил ее в безопасный угол.

– Стойте здесь и не отходите! – распорядился он. – А то будут выламывать дверь и зашибут ненароком...

И снова вонзил слэйеры в пол, направляясь на уровень «Б» и теша себя надеждой, что на этот раз угодит в более приличное место.

Помещение, куда угодил Мефодий, туалетом и впрямь не оказалось, но после того, как исполнитель осмотрелся, он решил, что лучше бы снова угодил в туалет.

Открывшаяся ему картина вызывала ощущения, омерзительные до рвоты: в больших круглых аквариумах, наполненных полупрозрачным желтым раствором, покачивались распухшие человеческие тела с глазами навыкате и подведенными ко рту шлангами.

Зрелище оказалось настолько неожиданным, что на секунду Мефодий замешкался.

Одетая в белое фигура промелькнула между аквариумами, пытаясь скользнуть к выходу. Первым прыжком Мефодий перелетел через ряд аквариумов, вторым – через голову беглеца, после чего преградил ему путь.

Перед исполнителем замер на подкосившихся ногах испуганный человечек в медицинском халате, очевидно, местный научный сотрудник. Угрозы акселерату этот жалкий субъект не представлял никакой.

– Умоляю, не убивайте, у меня трое маленьких детей! – залепетал человечек, попятившись назад. – Клянусь, я не делал вашим друзьям ничего плохого! Я простой лаборант, я слежу за их состоянием, и только! Это все миротворцы, это они придумали!..

Только теперь Мефодий понял, где очутился и о чем толкует лаборант. За стеклами аквариумов, погруженные в желтую жидкость, находились его собратья по оружию, которых смотритель Пенелопа уже давно считала мертвыми. Однако попавшие в застенки «Сумеречной Тени» исполнители были живы. Мефодий видел это по их осмысленным взглядам и выдыхаемым пузырькам воздуха. Что за опыты проводились над ними, не хотелось даже думать.

– Живо всех на свободу! – зарычал разъяренный Мефодий. – А иначе...

Слэйер красноречиво замер в сантиметре от носа съжившегося лаборанта.

– Но они... ваши друзья... они уже... – проскулил тот.

– Что «уже»?! – грозно навис над научным сотрудником Мефодий.

– Они не могут ходить... Они не могут даже пошевелиться... Они парализованы!

Лаборант был прав: находись исполнители в нормальном состоянии, они бы сумели о себе позаботиться. И заперли их в аквариумах именно по этой причине, ограждая от самоубийства и обращая в обездвиженных подопытных животных.

– Их состояние обратимо? – поинтересовался Мефодий, не сводя глаз с отекавших от постоянного пребывания в жидкости тел исполнителей.

– К сожалению, нет... – ответил ученый и еще больше съежился, ожидая после такого ответа сурового и закономерного наказания. – Их нервная система подверглась разрушительному воздействию... Поверьте, я... я...

– И вы еще смеее называть нас, рефлезианцев, кровожадными?! – вконец рассвирепел Мефодий, на мгновение даже забыв, зачем вообще пожаловал в офис «Тени».

Оставлять исполнителей здесь в надежде, что когда-нибудь их освободят и вылечат, было неразумно. Пока исполнительский мозг являлся для юпитерианцев заблокированным, но где гарантии, что, имея под рукой экспериментальный материал, они не раскроют его тайны? Шла война с превосходящим по силам противником – это понимали и Мефодий, и те, кто попал в стеклянную тюрьму миротворцев...

Дальнейший поступок Мефодия являлся необходимостью, и, что бы там ни кричала совесть акселерата, он совершил его без колебаний. Вернее, почти без колебаний. Но колебания исполнителя продлились ровно столько, сколько слэйеры его пребывали в замахе...

Разбитый компрессор, отвечающий за подачу пленникам воздуха, заискрился и разлетелся на части. Обрубки дыхательных шлангов упали на пол подобно щупальцам мертвого спрута. Пытавшийся остановить Мефодия лаборант кричал что-то о грозном начальстве и о своих детях, но акселерат отшвырнул его к стене как игрушечного.

Ничего не изменилось. Только прекратили подниматься вверх змейки пузырьков из ртов исполнителей, да глаза их подернулись пеленой, сквозь которую уже не пробивалось ни единого проблеска сознания. Неизвестно, благодарили они Мефодия в последние мгновения жизни или проклинали; самое главное – исполнители были мертвы, а воскрешать мертвых не умели даже могущественные небожители.

Проклиная себя за столь циничные мысли, акселерат расколотил напоследок аквариумы и по щиколотку залил мерзкой жидкостью пол этой псевдонаучной лаборатории. Мертвые тела исполнителей опустились на дно и остались лежать на битом стекле. Мефодий сомневался, что пережившие столько мучений товарищи будут погребены по человеческим обычаям, но помочь в этом, разумеется, ничем уже не мог...

Больше Мефодию делать здесь было нечего. Между ним и секретным уровнем «Ц» оставалась всего одна бетонная преграда. Орудия слэйерами быстрее отбойных молотков, акселерат двинулся дальше. Теперь он опасался не только гибели. Гибель – ерунда в сравнении с заточением в «пробирку рефлезианцев», хуже которого могло быть лишь замуровывание заживо.

Впрочем, намного ли хуже?..

На этот раз никаких неожиданностей не возникло – обычный кабинет для занятий: столы, на каждом – компьютер, невысокая кафедра, грифельная доска, в углу – видеопроектор. Мефодий вместе с обломками потолка рухнул на кафедру и, зная, что может быть немедленно атакован кишмя кишными здесь Сатирами, приготовился к яростному отпору.

В кабинете находилось лишь двое, но эти двое на Сатиров не походили. Не принадлежали они также к обслуживанию или научному персоналу. Рослые, крепкие, с пистолетами в руках, они стояли в изготовке для стрельбы на пороге кабинета; очевидно, перед этим пробежали по коридору и расслышали грохот проломленного потолка.

Пистолетные выстрелы захлопали один за другим. Оперативники «Тени» прекрасно владели техникой скоростной стрельбы, что наглядно Мефодию продемонстрировали. Акселерат очутился в тесном помещении со множеством летящих в него пуль, но, поскольку адреналином он был накачан заранее, поставленная задача на выживание оказалась несложной.

Мефодию не составило проблемы следить за двумя пистолетными стволами одновременно, прогнозировать их движение и уклоняться, опережая каждый выстрел на долю секунды. Для стрелявших рефлезианцев исполнял замысловатый танец – что-то похожее на шаманскую пляску, только в таком безумном темпе, которого не достигал еще ни один шаман даже после поедания двойной порции мухоморов. Пули оперативников изрешетили противоположную стену, разнесли несколько компьютеров, но цель не поразили.

Давать оперативникам время сменить обоймы и продолжить упражнение в меткости было для акселерата непозволительной роскошью. Мефодий схватил подвернувшийся под руку монитор и метнул его в ближайшего стрелка. Тяжелый монитор угодил тому в живот и

вынес в коридор. В это время второй оперативник извлек обойму, но вставить новую не успел – акселерат в мгновение ока очутился рядом и вырвал пистолет из его рук, едва не сломав стрелку пальцы.

Мефодий хотел оглушить оперативника, но в последний момент сдержал удар и дал ему затрещину. Правда, от той затрещины оперативник все равно сокрушил в падении стол и, если бы не остановившая его ступенька кафедры, причинил бы еще немало разрушений.

– Подполковник?! – недоуменно воскликнул Мефодий, глядя на выбирающегося из-под обломков стола оперативника. – Подполковник Мотыльков, это вы?

– Полковник! – автоматически поправил Мефодия Мотыльков. – Откуда ты, гад, меня знаешь?.. Да ты!.. Вот ни хрена себе мать твою!..

Несколько последующих выражений, понятных даже коренному французу, Мотыльков произнес не от боли – упавший со стола монитор отбил ему руку, – а от избытка чувств. Сергей Васильевич тоже узнал заговорившего с ним рефлезиянца. Тем паче что вспоминал о нем накануне.

– Эх, не быть вам богатым, товарищ полковник, – заметил Мефодий, приближаясь к Мотылькову и грубым толчком снова роняя его на пол.

– Ты, гребаный ублюдок, какого рожна ты тут делаешь?! – прорычал упавший Мотыльков. Попытка поймать старого знакомого в борцовский захват не увенчалась для него успехом. – Я ж на тебя, гада, своими руками наручники надевал!

– О, так, значит, и вы меня не забыли! – удивился Мефодий. – Надо же, как любопытно. Так вот в какой компании вы теперь обитаете!.. – Еще один недружелюбный толчок в спину стремящегося навязать ему борцовский поединок Мотылькова. – И почему всех староболотинцев так манит эта Франция? Знаете господина Тутуничева? Он ведь тоже грезит о Париже. Или грезил – при его рискованной работе весьма вероятен такой исход...

– Бросай оружие и сдавайся! – прокричал Мотыльков, поскольку ничего, кроме крика, противопоставить рефлезианцу не мог. – Ты окружен! Дальнейшее сопротивление бесполезно!

– Когда-то я от вас подобное уже слышал, – хмыкнул Мефодий, беря со стола и взвешивая в ладони пепельницу – долгая беседа с соотечественником не входила в его планы. – Однако, думаю, мой отказ вас не удивит...

Хрустальная пепельница опустилась Мотылькову на затылок и разлетелась мелкими сверкающими брызгами. Полковник умолк на полуслове и растянулся на полу.

– Вот и поговорили, – вздохнул Мефодий и снова обнажил клинки. Мотыльков и его напарник были наверняка не единственными противниками на уровне «Ц», разве что единственными из людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.